

* * *

Найдите Пушкина! Предрек же Николай Васильевич Гоголь, что Пушкин (второй) может появиться на Руси двести лет спустя Пушкина (первого). Время это уже пришло.

* * *

И ты, Брут... Шел Цезарь через толпу римлян в сенат (где вскоре предстояло ему умереть), остановил его возгласом «Цезарь!» один римлянин. «Кого касается?» — спросил Цезарь, думая, что римлянин обращается к нему с какой-то просьбой (как это было обычно до того дня). «Тебя, Цезарь», — ответил римлянин. (Он знал о заговоре.) «Что Цезаря — потом». И пошел далее Гай Юлий Цезарь на заседание римского Сената, где и погиб от рук заговорщиков. Среди них был Брут.

*Все чаще думаю за Цезаря,
Который понял: убивают,
Которого друзья зарезали,
Который им сказал: бывает.*

*И мучусь: окружен кинжалами,
Что он? Что он? Зачем же в тогу
Он завернулся, точно в жалобу,
Как бы просил: пусть им помогут.*

*И, пораженное металлами,
Спасти себя пыталось тело?
И гений в нем тогда метался ли,
Освободить себя хотел ли?*

Но есть еще один вопрос. Не думал ли в то время сам Цезарь (ему было 56 лет), уставший от болезней (эпилепсии), ослабший духом, не думал ли умереть? Не знал ли он о заговоре? Отвечал же он ранее спрашивающему «Как, Цезарь, ты желал бы умереть?» кратко: «Внезапно». Вот и свершилось по слову его.

* * *

Родная деревня вымерла... Иван-чай — последний мужчина в ней, мать-мачеха — последняя женщина...

* * *

Когда читаешь Чехова, видишь, что, как бы умны ни были люди, есть предел тому, что может одолеть их ум. Ты можешь быть бесконечно умным, но твой же собственный мир не будет тебе подчиняться, ты не будешь владеть им...

* * *

Есть философская максима, которую называют «бритвой Оккама». Эту свою максиму английский философ сформулировал так: «Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости». Как я вычитал в комментариях, это означает вот что: если что-то бесспорно доказано, то не надо лишних аргументов... Более других эта максима должна быть учитываема поэтами.

Горе (и возможно прозрение и очищение от содеянного) Алеко передано так: когда же их (зарезанных им цыгана и Земфиру) закрыли последней горстью земной,

*Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.*

Можно ли точнее описать потрясение-горе (все же) человека и будущее его, человека, выздоровление? Он не радовался содеянному — не радовался тогда, когда убивал молодых любовников (на вопрос Земфиры «О, что ты сделал?» Ответил: «Ничего»). Не издавал он никаких звуков скорби и после содеянного. Он сидел на камне. «Убийца страшен был лицом». Но для кого он был страшен? Скорее, для самого себя.

*Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.*

Но что это? Алеко сидел на «камне гробовом» — при могиле на краю дороги, и убийство было совершено им «над обесславленной могилой» — обесславленной, по поэме, молодыми любовниками. Отсюда — нить и к более объемной характеристике Алеко. (Белинский видел в нем натуру лишь сугубо эгоистическую.)

Вот слова В.Ф. Одоевского, не утратившие своей истинности и через век: «Согласимся, пожалуй, с Бентамом и при всяком происшествии будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке:

- 1-е — человечеству,
- 2-е — родине,
- 3-е — кругу друзей или семейству,
- 4-е — самим себе.

Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели. Что только полезно самим нам, то, отражаясь о семейство, о родину, о человечество, неизменно возвратится к самому человеку в виде бедствия».

Разница между англичанином (Бентамом) и русским (Одоевским) не в шкале исповедуемых ими ценностей (одна она), а по месту ценностей в ней для них.

Троцкий (условно отнесем его к литераторам) полагал, что Сталину свойственно презрение к теории. Теория же берет действительность больших масштабов. Здравый смысл берет действительность в малых масштабах. Оттого Сталин (политик-де здравого смысла) чрезвычайно чувствителен ко всякой непосредственной опасности, но не способен предвидеть опасность, коренящуюся в больших исторических тенденциях. «В этих особенностях его личности и заложена разгадка его дальнейшей судьбы». Не знаю, не знаю... Но вспомним: И.В. Сталин, обосновывая необходимость индустриализации в СССР, говорил: или мы ее осуществим за десять лет (на что Западу потребовались века), или Запад нас раздавит. И что же было в действительности? И индустриализацию мы осуществили в предоставленный нам исторический срок, и Запад, прежде всего фашистскую Германию, мы победили. Это ли не пример мышления в «больших масштабах»? Предвидение опасности если не для себя (Сталина), то более — для страны?

* * *

Слышал, женщине (не все женщины литераторы, но все они, безусловно, творцы) свойственно, скорее, конкретное мышление, чем абстрактное. Но, по мне, стратегия очень конкретна. А вот тактика, ситуативное мышление могут быть весьма абстрактны. Что из этого следует? Женщина — гениальна.

* * *

Знаете, хочется самому стать Вселенной (кончается поэма словами «Глухо. Вселенная спит, положив на лапу с клещами звезд громадное ухо»), чтобы до конца понять поэму Владимира Маяковского «Облако в штанах». А всего-то что в ней говорится? «Мария — дай!» (когда «жилистая громадина стонет, корчится») и «ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, женское» (когда «Будет любовь или нет? Какая — большая или крошечная?»)

Но нет, и будучи Вселенной, не уместишь в себе всю Поэму. Как же надо хотеть женщину, как же надо любить ее и каким же нужно быть мужчиной (и поэтом), чтобы на всю страну прокричать «дай!», прошептать: «в мягкое, в женское»...

И все-таки, видимо, главное слово в поэме «глухо». Оно стоит одиноко в тексте поэмы.

*Глухо.
Вселенная спит,
Положив на лапу
С клещами звезд громадное ухо.*

* * *

Василий Теркин как-то признался в кругу бывших сослуживцев: «Когда дадут Александру Трифоновичу Нобелевскую (сам я, как помните, был согласен на простую боевую медаль), тогда, пожалуй, и я назову Твардовского большим поэтом...» Потом, когда Теркин вернулся с того света (был и такой момент в его долгой литературной жизни), он продолжал центральную мысль своего со-творчества: «Есть и там Нобелевский комитет. И он не собирается присуждать Александру Трифоновичу Твардовскому премию. Жаль. Есть в Василии Теркине хорошие строки — «Переправа, переправа...».

* * *

*Ну мужик!
Ну гром Державин!
Словом ты развеял хмарь.
В поэтической державе
Ты по праву первый царь*

* * *

Фолкнер обвинил Хемингуэя в трусости. Последний рассвирепел. Объяснились. Фолкнер сказал, что он имел в виду не физическую трусость — трусость перед противником, а писательскую. Трудно было Хемингуэю отвести это обвинение. Фолкнер, правда, несколько смягчил свой вердикт: «То, что может делать Хем, он делает, как никто в американской литературе». Добавлю: учителями Хемингуэя были Библия и «Казачи» Л.Н. Толстого... И Фолкнер, и Хемингуэй были нобелевскими лауреатами — каков уровень спора (обвинения)!

* * *

Андрей Вознесенский отметил, что Твардовский, может, и большой поэт и все-таки нет, поскольку у него нет настоящей лирики. Справед-

ливо: у Твардовского не было своей любви-музы. В этом отношении он и, например, Ахматова, антиподы... К чести Александра Трифоновича следует сказать, что, когда Anne Андреевне было трудно, он опубликовал в «Новом мире», будучи главным редактором, несколько ее стихотворений.

* * *

Мы говорим о трагедии Есенина, жалеем его, раз он повесился. Но куда трагичнее любившая его Бениславская. Несколько раз она кончала с собой на могиле Есенина, пока, наконец, попытка не оказалась удачной. Вот кого надо жалеть.

* * *

Некоторые считают стихотворение Лермонтова на смерть А.С.Пушкина слабым. Они говорят: написано оно на злобу дня, а это само по себе плохо; в нем нет ничего, что не было бы известно современникам (того времени); и к тому же строчки «Не вынесла душа поэта\ позора мелочных обид» не украшают погибшего — из-за мелочных обид не стоило идти на гибель. Погиб «с свинцом в груди и с жаждой мести» — месть неважное чувство человека; к тому же Пушкин перед смертью простил своего убийцу: не стоило, в данном случае, идти против слова поэта. А что за упрек: «Таитесь вы под сению закона»? Что здесь плохого? Под чем же «таиться», находиться, как не под сению закона? Нет, всё плохо в стихотворении М.Ю. Лермонтова.

Трудно не согласиться с этой критикой: если не всё, то многое, действительно плохо.

* * *

*И сам Гомер, богов творец
(Коль скоро он же — их певец),
Хоть был, хоть не был в самом деле,
Но, восхищенный Троей смелой,
Бессмертный ей создал венец.*

* * *

Для чего пушкинский Скопец потребовал себе от царя Дадона награду за оказанную услугу — Шамаханскую царицу? Девицу, то есть, а не что-нибудь еще, как ему, скопцу, было бы положено по штату. Ан нет. Тогда что, ошибка поэта? Не может того быть. Намеренно ввел нас в заблуждение? Или ответ кроется в том, что в сказке описан не простой скопец, а сказочный? Красивый вопрос, и красивый ответ. Но тогда зачем скопец, уже убитый Дадонем, умертвляет его, царя, а не рассчитывается с ним по-иному? Этот царь был ему не соперник. Какой же тут добрым молодцам урок? Уж не тот ли, что добрый молодец должен вовремя распознать мнимого скопца?

* * *

Литератор должен создавать в литературе свое Евангелие — как создавал его Булгаков своим «Мастером и Маргаритой», Толстой своим «Воскресением», Достоевский своим «Идиотом»... Наверное, возможны и другие высокие замыслы — Шекспира, Данте (см. мнение Пушкина на этот счет), но на первое место мы должны поставить евангельский замысел.

* * *

Есть параллель между «Мертвыми душами» и «Двенадцатью стульями» Ильфа и Петрова. И там и там главный персонаж — плут и мошенник, уголовно наказуемое лицо. Но содержание «Мертвых душ» не объемлется одним Чичиковым, а «Двенадцать стульев» Бендером — объемлется. Вот почему их, «... стульев», нельзя считать хорошим произведением.

* * *

Два истинных писателя на Руси (цель поэзии — поэзия): А.С. Пушкин в поэзии, И.А. Бунин в прозе. Ну, может, немного ранний Маяковский, «красивый, двадцатидвухлетний». Прочие — либо моралисты, либо публицисты, либо еще Бог знает кто, в том числе футуристы, имажинисты, ничевоки, презентисты, беспредметники, конструктивисты и пр. Правда, есть еще Велимир Хлебников.

* * *

Очень живая поэма «Анна Снегина». Такое впечатление, что она живет и сама по себе, и вместе со своими героями, и дает жизнь им. Даже как-то неудобно называть имя ее автора, может, главного ее героя...

* * *

Похоже, поэты Серебряного века больше знали друг о друге, чем их собратья Золотого века. Объяснить это помимо всего прочего можно тем, что первые жили и «кучковались» (футуристы, символисты и пр.) преимущественно в столицах — в Петербурге и в Москве; вторые жили не только в них, но и по своим усадьбам. Да и «кучкования» у них было меньше.

* * *

Хорошо знающие русский язык, но не русские по национальности могут быть превосходными переводчиками с иностранного на русский (а как наоборот?), но не могут быть сильными писателями на русском: не все тайны открывает им язык.

* * *

Федор Иванович Тютчев в стихотворении на смерть А.С. Пушкина («29-ое января 1837») написал:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Моя внучка (у нее еще свежи школьные знания) считает, что в предложении Тютчева содержится сравнение. Как каждый нормальный человек всегда хранит в памяти свою первую любовь-чувство, так непреходяща и любовь русских к своему поэту. Поэтому, по-ученически говорит внучка, перед словом «как» стоит запятая. Я же мысленно полагал, что здесь не сравнение, а положительное утверждение: сам А.С.Пушкин является первой (основной, главной) любовью России... Кажется, мнение внучки справедливей. Жаль, если это так. И все же — частица «ж» в приведенном предложении Тютчева излишня.

* * *

П.К. Губер («Дон-Жуанский список Пушкина». Издательство «Петроград», 1923, стр. 7) также полагал, что в стихотворении Тютчева содержится утверждение, а не сравнение: «Все любили Пушкина, плененные эстетической прелестью его творений, но эта — по слову Тютчева, первая любовь — была любовь слепая, почти инстинктивная». Заблуждение Губера, как и мое, объяснимо и простительно.

* * *

Мы не должны недолюбливать графа Бенкендорфа Александра Христофоровича из-за того, что он строго (а скорей всего, справедливо) относился к Пушкину. Бенкендорф служил Отечеству, а не поэту.

* * *

Самые ценные книги на Руси — «Домострой» и «Юности честное зерцало». Они нуждаются в переиздании. В них мы найдем ответы на многие наши трудные нравственные вопросы.

* * *

В стихотворении Егора Исаева «Язык Пушкина» («ЛГ», 2007 г., № 37) много его, языка, оглушительных характеристик, никак не связанных между собою: он — и свет небес, и дождь из тучи, и лиры звон (вряд ли — А.П.), и блеск меча (какого? — А.П.) и т.п. Ну да ладно. Торопится, видимо, выговориться человек. Но вот что совсем плохо. Кончается стихотворение строчкой «И на столе творца — свеча». Эта строчка — не сравнение в характеристике языка творца, а описание писательского рабочего места (хоть и значится перед строчкой запятая, а не точка). И вот что худо: сразу всплывает в памяти пастернаковское

*Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Тут уж не до характеристики ни языка Пушкина, ни самого поэта.

* * *

Проза может описывать (а может быть, должна) все стороны жизни — и светлые и не светлые. А поэзия — лучше, если стихотворение будет чистым и радостным, светлым и прозрачным? Ведь в начале его — воды Кастальского ключа.

* * *

Видимо, ничто не может оправдать существование мрачной, а тем более темной поэзии. Даже строчки Экклезиаста в конечном итоге несут в себе светлое начало. «Печаль моя светла» (А.С.Пушкин). «Цветами зла» Бодлера (подумать только: Цветы зла?!), пусть наслаждаются, если это возможно, французы.

* * *

Стихи А.С. Пушкина «Подражание Корану» (при удивительном: «Посвящено П.А. Осиповой»), конечно, хороши; но порой мне кажется, что примечание поэта к «Подражанию» сильнее самих стихов. Вот хотя бы одно. Стихи таковы:

*А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренъи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.*

А вот примечание к ним: «Мой пророк — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях».

Не правда ли, строчки примечания — достойный соперник прекрасных стихов?

* * *

Неплохи и примечания поэта к «Евгению Онегину». Но они — не соперник «Онегину». Они более объясняют жизненную и поэтическую позицию автора романа в стихах.

* * *

«Маяковский! — кричали из зала Политехнического музея. — А вы Пушкина читаете? (За возгласом скрывалось: вы неважно пишете — поучились бы у мастера.) «Нет, — сухо отвечал Маяковский. — Я его знаю наизусть». Сильное отношение одного поэта к другому. (Отсюда и достойный ответ забяке из зала.)

* * *

НАСЛЕДНИК

«Не унаследовал ли я, — спрашивает поэт Н, — голос Пушкина? В том смысле, что Александр Сергеевич, как и я, не мог петь, быть хорошим исполнителем песен — народных либо других».

Хороший вопрос?

* * *

У Цветаевой: «Ивы — провидцы мои! Березы — девственницы!» Не отрицая напрямую в данном случае древесные метафоры, скажем несколько слов по существу их. Березы — девственницы сами по себе? Как-то с трудом это осмысляется. Они по природе своей такие и есть (даже если отнести их к живым существам) и не могут быть не девственницами. Или березы — «девственницы мои» (как это следует по контексту)? Но тогда становится как-то неловко за Цветаеву: не может того быть ни наяву, ни по метафоре.

Пока не позабыл: несмотря на жизненный трагизм, Цветаева — поэт, в строчках которой наибольшее по сравнению с другими поэтами число восклицательных знаков.

* * *

С кем только ни сравнивали себя поэты! То с конским глазом. Это Пастернак. (Здесь точнее было бы: с конским взглядом.) То с червем и с Богом. Это Державин. (Державин, скорее, не сравнивал, а равнял себя с Богом.) То с Солнцем. Это Бальмонт. Все эти сравнения хороши. Но лучше их, пожалуй, уподобление в русских народных сказках народного героя быстрому ветру или ясному месяцу.

* * *

Помнится, зарифмовал поэт Евг. Евтушенко слова «Моцарт... может быть». Сама «поэзия» тов. Евтушенко мне не нравится, а вот приведенная выше рифма чем-то приглянулась мне, и потому запомнилась.

* * *

Дурным переводом с гениального подстрочника назвал Поэт стихотворения Державина. Дашь ли ты, сегодняшней поэт, подобную оценку своим творениям? (Оценку, надо признать, весьма лестную.) Или подождешь немного? В самом деле, хорошенько подумай: ведь о большинстве нынешних стихов следует сказать, что они — гениальный перевод с дурного подстрочника. Избавь себя от незаслуженной чести; не лукавь.

* * *

Впечатление: выполняемые мною стихи сами чувствуют, когда они рождаются (как и положено родиться каждому живому существу) и когда они пишутся (и в этом случае мертворожденные). Сами чувствуют.

Когда их, выраженных на бумаге, читаешь, то от них сразу исходит — жильцы они на этом свете или же не жильцы. Жаль их, последних.

* * *

Утверждают, что Маяковский не застрелился, а его застрелили. Почитайте его предсмертные стихи и записку. Поэту надо верить.

Говорят, что Есенин не повесился, а его повесили. Почитайте его «Черного человека» и стихотворение Эрлиху о предстоящей своей смерти. Поэту надо верить.

Так что же, Маяковскому нужно было прилюдно стреляться, а Есенину вешаться для того, чтобы правда была правдой? Да будет ли?..

* * *

Не все же ложь (то есть сочиненные стихи) одиннадцать томов полного собрания сочинений Пастернака. 8 кг. (столько весят 11 томов) — это для лжи все-таки многовато. Значит, есть в них и правда, несочиненная поэзия... Кстати, в своем обзрении ПСС Пастернака Сергей Мнацаканян («ЛГ», 2006 г. № 27) верно заметил, что сейчас «Доктор Живаго» воспринимается-читается иначе, чем 40 лет назад — как впервые напечатанный на Западе и запрещенный. «Вот только не знаю, хорошо это или плохо для русской литературы...» Видимо, плохо... И хорошо.

* * *

Вот кто по-настоящему сильные и смелые люди: Александр Македонский, удлинивший календарный месяц, папа Григорий (Грегориус) XIII, установивший новое летоисчисление, Петр I, продолживший их дело в России, — люди, относившиеся ко времени, как к веществу, подвластному им. Не худо бы тебе, поэт, учитывать их опыт.

* * *

Есть избы, дома, дворцы, скверы. Есть фотографии их... Стихотворения Кушнера («Новый мир», 2000 г. № 1) — отпоэтизированные фотографии стихов Блока, Пастернака... Это не собственно дома и избы.

* * *

Время разбрасывать камни и время собирать камни... Я это понимаю так. Разбрасывать камни — значит, пользоваться благами, дарами других; собирать камни — значит, отдавать себя другим. Соотношение между временем и камнями здесь такое. Поначалу у человека больше желания пользоваться дарами других. С возрастом (временем) — чем больше тебе лет, тем сильнее у тебя стремление приносить пользу людям, отдавать себя другим... Не опоздать бы.

* * *

Жесткий «Разговор книгопродавца с поэтом» А.С. Пушкина изначально (или подспудно?) не что иное, как торг мужчины с женщиной. Мужчина здесь книгопродавец (издатель), женщина — поэт. И заканчивается этот торг так, как и должен был закончиться. Мужчина говорит (что приговор произносит): не продается вдохновенье, т.е. высшее предназначение поэта, но себя как рукопись можно продать. Женщина соглашается: «Условимся».

* * *

Укажем на поэтическую неточность Поэта (весьма редкую у него):

*Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?*

Последний стих неуклюж, но речь олицетворе не о том: на месте месяца должна находиться луна как небесное олицетворение женщины, девушки, девы (Дездемоны) — месяц же ассоциируется с добрым молодцем.

(Зачем ты, — спрашивают меня, — посылаешь свои каленые стрелы по большей части в А.С., а не в кого-то другого?) — «Затем, — отвечаю я, — что мне интересней метить в быстрого сокола, чем в ворону».)

И, наверное, после всех «каленых стрел» в А.С. Пушкина я скажу с некоторым удивлением: это был человек!

* * *

*Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона,*

— утверждает итальянец-импровизатор в «Египетских ночах». Следовательно, для трех стихий нет закона, предписывающего, как им поступать. И им троим равен один поэт: «Таков поэт.» Но в тех же «Ночах» петербургский поэт Чарский утверждает — спрашивает импровизатора: «Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно, удивительно!..»

Что же, налицо противоречие в двух утверждениях? Или же его нет? Не ответ ли в этих «удивительно, удивительно!»?

* * *

Жизненные напасти-проблемы, которые можно решить при помощи денег (а таких — большинство), в сущности, не проблемы, а так, задачки. Для того повседневно и живем. То ли дело проблемы героев русских народных сказок: найди за тридевять земель девицу красавицу и тогда женись на ней, освободи заточенного в подземелье друга и тем посрами врага, и, наконец, пойдя туда не знаю куда и найди то не знаю что (и находили-таки) — вот это и есть проблемы.

Родственные им задачи решай и ты, современный поэт.

* * *

Кстати, пушкинское: следовать за мыслью гения — поучительное занятие; его же: нет более интересного объекта для наблюдения, чем сам наблюдатель; и его же: врешь, он (гений) не такой, как ты (ищущий на нем пятна), он другой, — не напоминает ли это сказочное: пойдя туда, не знаю куда?..

* * *

Президент вступает в должность с момента принесения торжественной присяги (см. Конституцию РФ). Таковую присягу так или иначе приносит и писатель. Для Тургенева это могучий русский язык, для Толстого правда и только правда, для Пушкина — быть эхо русского народа.

* * *

Нет поэта Бродского; есть под этой фамилией Нобелевский лауреат по литературе за 1987 год.

* * *

*А Русь спасут стихи: поди,
Они уже ее спасают —
И в школе, слышу я, читают
Ахматову, псалмам сродни.*

* * *

По своей воле дети редко читают Пушкина: стихи его им читают взрослые. А вот сами взрослые по своей воле читают А.С. — и не только

те строчки, с которыми когда-то познакомили своих детей, но и «новые», а перечитывая старые, все время находят в них что-то новое и нужное для себя.

* * *

Поэт не должен быть скромным — не в личной жизни, а в публичной. Так, если, положим, у него сорок первый размер обуви, выходить на улицу ему нужно в сорок третьем... Петр I, кажется, имел малую ногу — изображать себя он велел в больших сапогах-ботинках.

* * *

РАЗГОВОР

— Эту ягоду есть нельзя, — говорю я маленькой Вике, которая потянулась к темно-красной, почти черной ягоде, известной в народе под названием «волчьей».

— Почему?

— А потому, — назидательно и весело отвечаю я, — что вот съешь эту ягоду, и обернешься волком.

— А-а...

Мы идем дальше лесной дорожкой и говорим о том, о сем. Вдруг дочь останавливается.

— Пап, а волк будет добрый или злой?

— Не знаю, — говорю я после некоторого раздумья.

— А я знаю, знаю!

— Ну и какой же?

— Конечно, добрый.

— Это почему же?

— Ведь раньше он был человеком!

* * *

Старокитайские мастера говорили, что художник созревает в своем мастерстве лишь к семидесяти годам (не отсюда ли мнение Хемингуэя о том, что для настоящего писателя кроме таланта нужно и долголетие?). Великий японец Хокусай был еще требовательней и предполагал, что в полную силу расцветает творческое дарование мастера в сто двадцать его лет... Хорошо. Но, по Библии, дни человека и есть сто двадцать лет. Значит, достиг художник расцвета, а дальше что?..

* * *

Пушкин в обоснование возможности отравления Моцарта композитором Сальери приводит такое, говоря юридическим языком, доказательство. На первом представлении «Дон-Жуана», когда весь театр безмолвно упивался гармонией Моцарта — раздался свист; Сальери (свистел он) вышел из зала, в бешенстве снедаемый завистью.

«Завистник, который мог освистать Дон-Жуана, мог отравить его творца.» Довод, перевешивающий все остальное за и против.

* * *

Посредственный беллетрист знает заранее, с чего начать повествование и чем его закончить. А для Толстого было полной неожиданностью, что Анна Каренина бросилась под поезд. Роман («Анна Каренина») сам писал себя.

* * *

1700 лет от Цезаря до Шекспира меньше, чем 400 лет от Шекспира до нас. И Шекспир, лучше, например, знал о жизни и смерти Цезаря (читай его Цезаря и Клеопатру), чем мы знаем о жизнедеятельности Шекспира (до сих пор гадаем об авторстве его трагедий).

* * *

Сегодня я не спал. Я прочитал на ночь стихотворение А.С. Пушкина о его пребывании на том свете, в аду («И дале мы ПОПЕЛИ — и страх объял меня»).

В первой части стихотворения (гидом поэта по аду был Вергилий) поэт глядел на муки ростовщика, имевшего, по пояснению Вергилия, «одно стяжание всегда в предмете». Тут все ясно: наказание люто, да по греху. У меня даже возникло желание: всех наших олигархов нужно заставить прочитать эту часть стихотворения, объяснив при этом, что все предсказания (стихи) А.С. сбываются.

Вторая часть стихотворения лишила меня сна. В подвале ада жертвой мучителей-чертей были «жена с ее сестрой». Но кто при земной жизни были они? Какой тяжкий грех совершили? Смысл их вечной казни Вергилий не объяснил. Сокрыл его и поэт. Не смог найти ответ и я за всю минувшую ночь... Уж не свою ли жену с ее сестрой имел в виду поэт (стихотворение написано в 1832 году)? Господи, предположить даже страшно.

* * *

Надежда Горлова («ЛГ» 2006 г. № 27) утверждает, что поэт Юшин наследует у Есенина его любовь к Руси, ту любовь, что полнокровнее правды. В этом утверждении две ошибки, если не три. Первая. Любовь к Родине не может наследоваться: она может быть только своя, приобретенная. Вторая. Что может быть полнокровнее правды? Третья ошибка: нельзя сталкивать любовь к Родине и правду. Любовь к Руси это и есть правда русского человека.

* * *

Что это, как не свидетельство нравственной слепоты, если не сказать резче? Или это создание больного, в то время, ума и тогда человек (поэт) не несет ответственность за свои поступки? Человек написал свое стихотворение женщине, а признается в нем, как сильно он любит другую. «Нет, не тебя так пылко я люблю». И далее повествует, через нее, как он говорит сердцем с той, подругой юных дней... Лучше бы поэт написал стихотворение на тему «Я не люблю тебя». Были же такие вирши в русской литературе (примерно в то же время — стихотворение И.П. Ключникова «Я не люблю тебя»: «Московский наблюдатель», 1838 г., ч. 8, стр. 143). Но, по правде сказать, нехорошая это тема для поэта. А пересказанная выше — и вовсе тяжкий грех, и человеческий, и поэтический. Стоит ли признаться, что мы говорим здесь о стихотворении М.Ю. Лермонтова, написанном в 1841 году? Поэт верно шел к своей гибели.

* * *

Станислав Лесневский («ЛГ» 2007 г. №46) пытается вернуть русской поэзии в качестве «хорошо сказанных» стихотворения Владимира Бенедиктова. Вряд ли получится. Надгробные слова Белинского, произнесенные над стихами поэта за 30 лет до кончины последнего, живы и сейчас, а стихи поэта — мертвы. Если что и помнится из них, то как казус: Пушкин на вопрос, каково его мнение о стихах Бенедиктова, ограничился репликой, что ему нравится в них сравнение неба с опрокинутой чашей... Стихи действительно неплохи:

*Снова ясно; вся блистая,
Знаменуя вешний пир,
Чаша неба голубая
Опрокинута на мир.*

* * *

Два великих моралиста в русской литературе: В.Г. Белинский и Л.Н. Толстой. Жаль, что Белинский не дожил до произведений Толстого — как бы они ладили между собой, будучи на одной (литературной) площадке? Горяч был Виссарион Григорьевич, да и Лев Николаевич стал относительно терпелив лишь ближе к старости.

* * *

Тревожно: почему два поэта (женщины), жившие в одно и то же время, по-разному относились к «Евгению Онегину»? Ахматова: «Онегина» воздушная громада», Цветаева: «Евгения Онегина» я не любила никогда». Не перешла ли их оценка «Онегина» на них самих? Сделало ли это время или сама метафизическая сила романа? Живет какой-то чудной жизнью «Евгений Онегин»... Отсюда, верно, и тревожно.

* * *

Поэт Константин Ваншенкин предлагает читателю свою новую книгу «Шепот». Она — не продолжение ли известных строк Фета «Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья»? По наименованию, вроде бы, да. Но и цитируемые строки, и другие стихи Фета мягче, лиричнее, поэтичнее, нежели стихи в книге Ваншенкина. Стихотворения современного поэта напоминают, скорее, быстрые, точные, сухие снимки интересных мгновений жизни, сделанные фотомастером, у которого главное орудие для творчества — фотоаппарат.

* * *

Лев Николаевич Толстой от души радовался, смеялся, как ребенок, слушая стихи Бальмонта в авторском исполнении (вероятно, поэт по тогдашней моде чуть ли не пел их, покачиваясь). Впрочем, сами стихи Л.Н. не понравились — а ведь это были стихи поэта, по оценке Брюсова, сильного. Что случилось бы с писателем сейчас, доведись ему видеть и слышать, например, Пригова? Наверное, был бы у Л.Н. сердечный приступ.

* * *

В Америке (США) когда-то бытовало мнение: что хорошо для Форда, то хорошо и для Америки. И что интересно — и действительность той страны создавалась сообразно приведенному мнению. Для современной России было бы неплохо, если бы в ней правил принцип: что хорошо для поэта (писателя), то хорошо и для России. Глядишь, и с возрождением Руси особых проблем не было бы.

* * *

По правде сказать, перехвалил Белинский Кольцова. Восторженно отозвался критик о первых опытах поэта — и было за что. А потом поэта все больше стало заносить в литературщину и, видимо, критик был в затруднении — как ему быть дальше со своею похвалой поэта? Действительно, лучше начинать с брани и кончать похвалой, чем поступать наоборот в своем отзыве о человеке.

Здесь, как всегда в литературе, пример за А.С. Пушкиным. Какими стихами он завершил свой жизненный путь? Не школьным Памятником, а вот этими:

*Забыв и роццу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.*

И просто, и поэтично. А как сухо он отозвался о первом поэтическом сборнике В. Бенедиктова, кумира тогдашней (1836 г.) молодежи...

* * *

Футуристы, сбрасывая с корабля современности классиков, имели в виду прежних (до них) поэтов, а не писателей (Толстого, Достоевского...). Почему? Или они за литературу считали только стихи, а не прозу?

* * *

Первый поэтический сборник Маяковского — «Я» — вышел в 1913 году и включал четыре стихотворения. Книга была написана от руки, снабжена иллюстрациями и размножена литографским способом в трехстах экземплярах.

Известно, история повторяется: она в первый раз — трагедия, во второй — фарс. Но являются ли нынешние (спустя век) поэтические стоземплярные книжки фарсом?.. Сборник В.В.Маяковского был прекрасен и трагичен.

*Я одинок, как последний глаз
У идущего к слепым человека.*

* * *

«Литературная газета» (2007 г. № 47-48) опубликовала два мнения об одной книге. Книга: Тамара Катаева. Анти-Ахматова (Предисловие В. Топорова. — М: Евро ИНФО, 2007. — 560 с.) Валерий Босенко, автор одного мнения, пишет, что для Тамары Катаевой абсолютно несущественны поэзия Ахматовой, ее художественная значимость; не стихи, а неумное тщеславие, утробная трусость да сенильный эротизм были, по Т.К., спутниками жизни Ахматовой. Не пожалела Тамара Катаева Анну Андреевну даже в ее смерти...

Максим Лаврентьев, автор другого мнения, осудив «антиахматовщину» Тамары Катаевой, вместе с тем не отказывает ей в праве писать о поэте (поэтессе) — даже, вроде бы, в праве «на обличительство Ахматовой-человека». Довод? «Публичному человеку (в данном случае — поэту. — А.П.) нужно быть готовым расплатиться и в посмертии за прижизненную славу — по всем счетам».

Никак не нужно — ни до ни в посмертии... Далее. С мертвым публичным человеком (поэтом) следует вести разговор, спор, имея предметом разговора его публичные дела, но никак не личную жизнь. Последняя — защищена табу древних: о мертвых ничего, либо только хорошее. Максим Лаврентьев в своей статье верно замечает, что при написании книг, подобных характеризуемой, не следует выходить за пределы вересаевской традиции. (Эта часть статьи предназначена, видимо, прежде всего Тамаре Катаевой). Традиции Вересаева В.В. — традиции культурного человека (чего, к сожалению, нельзя сказать об авторе книги «Анти-Ахматова»). Кроме Вересаева я бы посоветовал Тамаре Катаевой прочитать произведение П.К. Губера «Дон-Жуанский список Пушкина» — с тем чтобы поучиться у него, как нужно знакомить читателей с самыми деликатными страницами жизни поэта (глядишь, дай-то Бог, и проснет-ся у Тамары Катаевой совесть и стыд за содеянное).

Таковы два мнения (и мое в придачу) об одной книге.

* * *

Правда, однажды сам Александр Сергеевич не «удержался» и обыграл физический недостаток человека — поэта Н.И. Гнедича:

*Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.*

Но, во-первых, это была эпиграмма, а в эпиграмме, по тому времени, было допустимо подобное обыгрывание. Во-вторых, сам Пушкин тщательно зачеркнул написанное и не предавал его гласности; строчки были вычитаны позднее и впервые напечатаны (зачем?) в 1910 году. В-третьих (что главнее) публичная высокая оценка перевода Гнедича выражена Пушкиным в написанном им через месяц стихотворении «На перевод Илиады»:

*Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смищенной душой.*

Более того! Через год (в 1832 году) в послании «Гнедичу» Пушкин вновь говорит о «высоком подвиге» Гнедича — переводе «Илиады» Гомера.

Вот пример уважительного отношения А.С. Пушкина к собрату по литературному цеху и строгой его самооценки (зачеркивание собственных не этичных стихов).

* * *

Анну Андреевну Ахматову чуть ли не укоряют («АГ» 2007 № 47-48) в том, что она все-таки (?) никогда не была в цветаевской ситуации 1941 года; также не была она ни в ситуации Даниила Андреева, ни в ситуации Даниила Хармса и Александра Введенского.

Господи! А зачем ей было быть в ситуациях названных страдальцев? Ей и своих хватало с избытком. Да, к тому же, разве страдания — мерило достоинства человека?.. И, вообще, кто из нас, людей, был в «ситуации» Иисуса Христа?

* * *

Да что там (в связи с затронутой нами темой авторской порочности) Вересаев и Губер! (Хотя и они — не малые писательские величины.) Прочитаешь стихотворение «Герой» А.С. Пушкина и найдешь в нем такие строчки:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце!*

Вот и ответ на вопросы нашей темы. Будем считать ее исчерпанной. (Если только не будет судебного преследования Тамары Катаевой.)

* * *

Лучше и честней суровая критика поэта Андреем Александровичем Ждановым (тот выполнял роль палача, а на палаче греха нет), чем глумление Анны Андреевны Тамарой Катаевой, «собратьей» по литературе: здесь грех Иуды.

* * *

У Муамара Каддафи очень молодые, по сравнению с лицом, руки. Как утверждают, руки стареют быстрее других частей организма человека, и именно они прежде всего выдают его возраст.

Каддафи — руководитель ливийской революции, глава Ливии. Хорошо бы — и организм этого арабского государства был молод. Но главное, чист. Утерла бы Ливия нос, например, арабскому Ираку...

* * *

«Содом и Гоморра». Это слова Библии. Вот если бы некто сказал «Гоморра и Содом», значит, он выразил бы нечто новое, нечто свое.

Автор пишет (газета «Пасхальный огонь» №6-7, 2004 г.) о подвиге русского летчика Нестерова, первым применившего в авиации таран. При этом он приводит рассказ очевидца той давней схватки в небе под Жолкевом.

Самолет Нестерова «протаранил вражеский аэроплан — мне показалось, что я отчетливо видел, как столкнулись самолеты... Кувыркаясь и переворачиваясь, неприятельский самолет стремительно полетел вниз. Какое-то мгновение все мы считали, что бой закончился полной победой нашего летчика... Неожиданно я увидел, как из русского самолета выпала и, обгоняя падающую машину, стремглав полетела вниз крохотная фигура летчика. Это был Нестеров, выбросившийся из разбитого самолета. Парашюта наша авиация еще не знала...

Вслед за штабс-капитаном Нестеровым на землю упал и его осиротевший самолет».

Рассказ очевидца о первом таранном бое в небе эмоционален и точен. Автор пересказа добросовестно воспроизвел слова очевидца. Но нет здесь авторского слова, нет его мысли. — Для этого автор, положим, мог бы написать: велик подвиг Нестерова; но не умаляется ли он тем, что летчик, как капитан корабля, не должен был спешить с выбрасыванием из разбитого самолета, а, напротив, должен был пытаться до последнего спасти падающую машину, посадить ее?..

* * *

Говорю: «До чего же силен Белинский. Он предположил, что в «Медном всаднике» пропущено обращение бедного Евгения к Монументу. И что же? Действительно, Жуковский, готовя поэму к печатанию, исключил из нее (по цензурным соображениям) такие стихи: «Добро, строитель чудотворный! — Шепнул он, злобно задрожав, — Ужо тебе!..» Поэма в полном виде появилась в свете позднее». «Вот видишь, — слышу в ответ, — а ты, будь на месте Белинского, ни за что не догадался бы, что пропущенные строчки должны быть». — «Ну и ну», — вдохнул и выдохнул я. Но потом, собравшись с силами, продолжал: «Не указал, все же, Белинский на истинную мысль в другом произведении Пушкина, в «Метели». Вот она: кого сочетал браком Господь, так тому и быть. И хоть не помнил Бурмин, с кем он обвенчался в церкви столь беспечно несколько месяцев тому назад, все равно Господь привел мужа к его жене... И то еще отметим: статьи Белинского — хороший литинститут для поэта. А сам критик многому научился у Пушкина».

* * *

Меня все больше смущают вот эти стихи А.С. Пушкина:

*Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.*

Смущает некое сравнение души с орлом: как-никак, душа — женского рода, а орел — мужского... Хотя Пушкину, наверное, виднее.

* * *

Опять же: смущает меня и параллель в «Вакхической песне» А.С. Пушкина между лампадой и ложной мудростью (кстати, что это такое?):

*Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет...*

Хотя это и вакхическая песня, да все равно, мнится мне, нехорошо.

* * *

В 1916 г. Мандельштам заметил: «В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиратической важности, религиозной простоте и торжественности». Не зная этих строчек Мандельштама (чем я не хвалюсь), я, видимо, не случайно, в 1997 г. в одном из своих стихотворений написал: «И вот Ахматовой псалмы...» — написал, видимо, не случайно: поэзия Анны Андреевны таковой и является... Сама Ахматова с явным сочувствием отзывалась о псалмопевце Давиде.

* * *

Поэт должен так разговаривать со своими братьями по перу и со своими читателями, как разговаривал Христос со своими учениками и с народом — как власть имеющий... Тогда и скажут про него: поэт от Бога.

* * *

В 1918 году в Политехническом музее г. Москвы избирали короля поэтов. Этим королем стал Игорь Северянин. На второе место читатели поставили Маяковского. На третье — Бальмонта.

В 1958 году в Переделкине литераторы определяли значение бывших там поэтов. Первенство они отдали Пастернаку. За ним следовала Ахматова. (Каково было Анне Андреевне? Решение литераторов не соответствовало истине.) В наши дни читателям было предложено определить значение всех поэтов России — живших и живущих. Первое место у Пушкина (37%), второе — у Есенина (17%), третье у Лермонтова (5%), четвертое у Ахматовой (4%), пятое — у Некрасова (3%). Остальные поэты — на последующих местах. (Согласимся. Однако за Ахматову обидно. Место ее рядом с Пушкиным.). 14% не выразили свое мнение.

Кто из пишущих стихи и какое место займет в следующем выборе читателей? И сколько из них, читателей, тогда промолчит?

* * *

Получилось стихотворение или не получилось? По этому поводу Маяковский дал такой совет: написанную вещь положите в письменный стол, через три недели достаньте ее и оцените на предмет добротности. Гораций же по сходному случаю рекомендовал поэту перечитать и обдумать созданное стихотворение через семь лет. Какова разница во времени! Не отсюда ли и отличие в произведениях?

* * *

Мандельштам хвалит Пастернака: «Стихи Пастернака почитать — горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны для туберкулеза». Некоторые присоединились к этой похвале. Позволительно, однако, спросить: ну а что здесь славного? Туберкулез следует лечить, дыша в соляной шахте. Настоящая же поэзия, как и настоящий («простой») воздух, незаметна: дышишь ею (им) — и живешь.

* * *

Друзья просили поэта дописать «Евгения Онегина». Думаю, он его дописал — «Каменным гостем». В нем статуя Командора губит несчастно-отважного Дона Гуана... В «Онегине», будь он дописан, боевой генерал, муж Татьяны, должен был бы застрелить (хотя бы на дуэли) незадачливого героя.

* * *

Есенин считал, что Кольцова как поэта погубила излишняя оглядка на мнение других литераторов, прежде всего, Белинского. Действительно, поэт должен расти, как дерево: естественно и без очевидной зависимости от собратьев.

* * *

Вот, Третьяков (мне он нравится как политолог), давая свой перечень («Российская газета» 19 декабря 2003 г.) поэтических гениев XX века и заключая его Иосифом Бродским, спрашивает: «Кто после него в поэзии?». Как прикажете понимать? Куда движение — вверх по перечню: Блок, Цветаева, Есенин, Ахматова... или вниз от Бродского — до бесконечно малой поэтической величины?

* * *

Интересно: критические работы Ахматовой напоминают (по своей манере, не по предмету, конечно) журнальные статьи Пушкина. Случайно ли?..

* * *

«Литературная газета» (3 декабря 2003 г.) выделяет такие слова Бродского при оценке им той или иной книги: «Главное — это величие замысла». Но не о том ли писал А.С. Пушкин в 1827г.: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью — такова смелость Шекспира, Данте...»? Конечно, ничто не ново под луной, но не до такой же степени?

* * *

Метафора должна быть истинна, может, истинна вдвойне — по сравнению с, так сказать, обычными словами. Поэтому стихи Евгения Евтушенко:

*Танки идут по Праге
Кровавой дорогой рассвета,
Танки идут по правде,
Которая не газета.*

— очень плохие стихи, за исключением первой строчки. Следующие — или ложная красивость, или просто поэтическая безграмотность, фальшь. По правде как качественному состоянию того или иного утверждения идти танком вообще нельзя. Кстати, хвалят и другую строчку Е.Е.: «Поэт в России больше, чем поэт». Но больше поэта может быть только Господь Бог.

* * *

В памяти читателей И. Бродский останется, наверное, всего двумя стихотворными строчками — обещанием (неисполненным):

*На Васильевский остров
Я приду умирать.*

Не много для поэта. (Нобелевского лауреата, между прочим.) Куда лучше (и истинней) стихи Ахматовой о Бродском:

*О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.*

* * *

Почему поэт (Есенин) написал: «О возраст осени! Он мне \ Дороже юности и лета», а не «О возраст осени! Он мне \ Дороже и весны, и лета», как, казалось, было бы грамотней?

* * *

Старался человек стать поэтом и даже первые публикации были стихов, и даже его строчки были отмечены Львом Толстым («Не видно птиц. Покорно чахнет \ Лес опустевший и больной. \ Грибы СОПЕЛИ. НО крепко пахнет \ В оврагах сыростью грибной»), и Пушкинскую премию он получил за «Песнь о Гайавате», а вот Нобелевскую — «за абсолютное мастерство, с которым он продолжил традиции русских классиков в прозаических произведениях», прозаических, а не стихотворных... Здесь же отметим, что из пяти российских писателей — нобелевских лауреатов XX века, только он, Бунин, и Шолохов получили премию собственно за литературные заслуги.

* * *

До чего, однако, суха и рассудочна глава о любви в «Василии Теркине»... Где здесь песнь души? Где солнце и слезы? Где «здесь человек сгорел»?..

* * *

Хорошо сказал Хорхе Луис Борхес: «У меня во всем теле болит эта женщина»(где-то в 1970 г.). Но ведь еще раньше (в 1911г.) Марина Цветаева писала:

Мне нравится, что вы больны не мной.

Мне нравится, что я больна не вами.

Похоже? Да... Не думаю, что Борхес знал эти стихи Цветаевой. Здесь — переключка поэтов, переключка во времени и вне его.

* * *

И у сильных поэтов встречаются слабые места в стихах. Читаем у Маяковского:

Если выставить в музее

Плачущего большевика,

Весь день бы в музее

Торчали ротозеи...

Ну и что здесь удивительного? Ротозеи могут торчать в музее (и не только в нем) и по менее значительному поводу. Вот если бы было сказано, что на плачущего большевика весь день смотрели бы не ротозеи, было бы другое дело.

* * *

Я давно подозревал, что, например, Иосиф Бродский (есть и другие) не только не большой поэт, но вообще не поэт. И вот подобное мнение высказал Виктор Федорович Боков: «Я его не перевариваю ни в каком виде. Потому что в основе его поэзии лежит рассуждение» («ЛГ», 2004, №16)... Поэзия, по слову Пушкина, должна быть глуповата, но не глупа. То есть проста и непосредственна, как язык Бога. Она должна утверждать (пусть порой необъяснимо и удивительно), а не рассуждать. Бродский же «все решительно может объяснить»... Но люди, которые объявили Иосифа Бродского Нобелевским лауреатом («за всеобъемлющее мастерство писателя, вдохновенное ясностью мысли и поэтической

силой»), вряд ли не знали, что такое поэзия. Тогда почему Бродский стал им, лауреатом? Поэтической силы в его произведениях не было... Могут сказать: о мертвых говорят только хорошее. Да. Но поэтов, даже плохих, мертвых не бывает.

* * *

Жизнь (смерть) за царя, т.е. за Отечество — нравственное действие. Но нравственно ли — нет, не жизнь за поэта, а такая позиция: «Умереть, спасая поэта — достойная смерть.»? Это сказано Бродским про Фриду Вигдорову, которая надорвалась, кормя его, Иосифа, в Нью-Йорке, и рано умерла... Каков поэт, таковы его и слова.

* * *

Есенин русский поэт. Маяковский, скорее всего, нет. Нет у Маяковского стихотворений о России (стихи о советском паспорте и пр. — не в счет). То же можно сказать о Пастернаке, Мандельштаме, да и о Брюсове.

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

С. Есенин, 1914 г.

* * *

До чего же смело уподобление Пушкиным сердца альманаху!

*Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах*

Правда, смелость уподобления здесь несколько сглаживает слово «этот». Однако, что позволено Юпитеру, то не позволено быку: нам, грешным, не стоит идти на такие сравнения.

* * *

Редкая птица долетит до середины Днепра... Несмотря на всю нелепость этого утверждения, веришь, однако, писателю. А вот с птицей-тройкой, при которой находился, как-никак Павел Иванович Чичиков, не знаю, как и быть...

* * *

Хороша статья зрелого (1836 г.) Пушкина об Александре Радищеве. Хороша и мыслями, и слогом. Тем удивительнее, что она была запрещена цензурой. Сегодня бы ее с руками оторвали... Сейчас, если не всю, то частично, ее вспоминают — «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви», например.

* * *

О ВООБРАЖАЕМОМ РАЗГОВОРЕ В.В. ПУТИНА С Г.А. ЗЮГАНОВЫМ¹

«Жаль, Геннадий Андреевич, что вы не Радищев, а я не граф Заводовский...»

Любопытно, что в историческом сравнении Президент упомянул не императрицу Екатерину II (что, может быть, было бы уместнее), а графа. Суть в том, что государыня хотя и назвала автора «Путешествия из Петербурга в Москву» бунтовщиком хуже Пугачева, но смягчила сенатский

¹ Фрагмент навеян упомянутой выше статьей А.С. Пушкина о Радищеве и его «Воображаемым разговором с Александром I» (1824 г.)

смертный приговор — сосланием в Сибирь. Граф Завадовский же, уже при императоре Александре I, сказал Радищеву с дружеским упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! Или мало тебе было Сибири?» В этих словах писатель увидел угрозу и отравился...

Параллель, однако, любопытна. Президент (не граф) Путин, видимо, помиловал бы Геннадия Андреевича. Вместе с тем в лапидарности Президента чувствуется поступь бывшего разведчика.

* * *

Эдвард Радзинский утверждает, что Ахматова потому не была физически умерщвлена Сталиным, потому что Сосо когда-то тоже писал стихи. Очень может быть. Но ведь, к примеру, Клюев и Мандельштам тоже создавали их, но, однако, не были пощажены И.В. Дело, похоже, в качестве создаваемого поэтами. Не зря же И.В. спрашивал у Пастернака, каков мастер Мандельштам?.. Выходит, Пастернак как-то причастен к печальной судьбе Осипа Эмильевича?

* * *

Чем-то (видимо, тем, что и там и там герои — движущиеся военные люди) «Василий Теркин» Твардовского напоминает мне «Двенадцать» Блока. Но первая поэма — дело прежде всего ума поэта, вторая — его души.

* * *

Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина такие же в 60-е — 70-е годы XX века лжепоэты в поэзии, какие лжеполитики в политике Гайдар, Чубайс, Хакамада в конце XX века. Первые, пользуясь тем, что большинство в России в то время не знало Заболоцкого, Цветаеву и других поэтов Серебряного века, сознательно (так легче?) создали ненатуральную, не подлинную, искусственную, синтетическую поэзию. Вторые, спекулируя на историческом помутнении сограждан, стали авторами неестественной политики. (Естественная — та, которая приносит пользу прежде всего Родине; такой была политика почти всех царей России.) Первые играли с нами не сказать что краплеными — но бойкими стихами, вторые — такими же морально-бытовыми ценностями. Трудно сказать, кто из них хуже для нас. Оба хуже. Но, быть может, — первые. Сначала была «разрушена» поэзия, потом и вся страна.

А началась литература на Руси с Поучения Владимира Мономаха сыновьям. Тогда же, надо полагать, началась и подлинная Россия как держава.

* * *

Мопассана, ставшего, по словам Пильняка, животным (мозг писателя был поражен тяжелой болезнью), друзья вывели на берег моря; они вывели в море любимую яхту писателя. Взор Мопассана на время просветлел. Но вскоре опять угас.

* * *

Немало ревнивых строк посвятили Пушкину и Анна Ахматова, и Марина Цветаева.

*Две женщины, две музы, два рассвета,
Великие и в песне и в судьбе,
Оспаривали нашего поэта,
Быть может, мужа пестуя себе...
Но Н. они на женском пьедестале
Оставили, снимать с него не стали.*

* * *

Строка Цветаевой не похожа на строчку Пушкина; Ахматовой — похожа.

* * *

В 1916 году Мандельштам писал: «... в настоящее время ее (Ахматовой — АЛ.) поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России...» А с того года дней жизни Ахматовой было еще 50 лет.

* * *

Жданов (читающий-таки человек) в своей хуле на Ахматову опирался, наверное, в том числе и на Брюсова, весьма прохладно относившегося к поэту-женщине. (Знал бы Брюсов, как все обернется.)

* * *

По Короленко, человек создан для счастья, как птица для полета... Проведи в жизнь другое утверждение: птица создана для полета, как человек для счастья (насколько счастлив человек), — верно, редко бы сейчас летала птица.

* * *

Ахматова как-то сказала, что она поняла в Пастернаке самое странное: он никогда ничего не вспоминает... А как же его «Магбург»? Или это — то исключение, которое подтверждает правило?

* * *

Солженицин (см. «Известия» 11 декабря 2003 г.), когда писал в «Красном колесе» главы о Ленине в Швейцарии, находился в некой зависимости от него. Писатель во время работы держал в своем кабинете портреты Ленина («и дьявольски умного и безмерно злого»), и тот как бы проверял качество написанного о нем («видит мой замысел — и не может (не может ли?) помешать. Посмертная пытка ему — а мне земное соревнование»)... Наверное, писатель вообще находится в той или иной зависимости от всего воссоздаваемого им — и от людей и от вещей (предметов). Однако — озноб по коже.

* * *

Хорошо поведал Александр Исаевич о писательском труде: «тепло и радостно ощущать пальцами любимую бумагу» (см. там же). Может же этот человек писать и о светлых чувствах.

* * *

На Руси не было принято хвалить живую власть. Сам Пушкин должен был публично оправдывать свои хвалебные слова в адрес правящего царя... Не то в советское время. Да и сейчас тоже. Не подтверждает ли это, что власть в стране давно не является русской, властью Руси?

* * *

Формула Маяковского «папаша хитр: землю попашет, попишет стихи», эта формула неверна. И первое, и второе — дело не столько хитрое, сколько дело всей жизни. Не стоило истину, смысл приносить в жертву рифме. И еще. В глаголах, употребленных поэтом, чувствуется некоторое неуважение: «попашет», «попишет» — нет, не может он, «папаша», этого делать, может именно пахать, именно писать или совершать в полную силу и то и другое. А уж там — как получится... Сам же поэт говорил о трудоемком процессе выявления поэтического слова: «та же добыча радия». А тут «попашет», «попишет»... прости его, Господи.

* * *

Велики поэмы Гомера: объяли они необъятное. Под стать им «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» Пушкина.

* * *

Мастерство Пушкина достигло предела («Медным всадником», например), и жизнь его пресеклась.

* * *

Парадокс: мне все время казалось, что Белинский был старше Пушкина, т.е. что он прожил больше поэта. А сличил даты — и оказалось, что им было равное число лет, когда они ушли из жизни. Тогда почему мне казалось по-другому? Может, потому что В.Г. Белинский был бородат?

* * *

Россия заговорила в полный голос в литературе народным крестьянско-христианским языком лишь тогда, когда в нее пришел Сергей Есенин. (Выходит, у нас два создателя русского языка — Пушкин и Есенин.) Да горе его, по словам Ходасевича, было в том, что он, любя Родину, не сумел назвать ее: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Россию, и социалистическую Инонию, азиатскую Расею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло на его уста: Россия. А это горе, добавим, пресекло язык (жизнь) Сергея Есенина.

* * *

Господи! И куда он, Маяковский, дел свой громадный талант? На что он его потратил? Наверное, все беды его пошли от этой строки: «Я думал, что ты всесильный божище, а ты недоучка, крохотный божище». Прости его, Господи.

* * *

Маяковский твердил наизусть эти стихи Пушкина:

*Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.*

Декламировал он как хорошие стихи о любви и слова Пастернака:

*В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.*

Но посмотрите: в первых строчках любовь живет, дышит, ей в них уютно, просторно. Во вторых, пастернаковских, — ей душно, тесно, ее там «создают», описывают, в них ее как таковой нет...

* * *

Ставят по сомнение авторство «Тихого Дона» — авторство М.А. Шолохова. В научном и литературном мире (в том числе Феликсом Кузнецовым) приведены серьезные доказательства в пользу единственного могущего быть автора — Шолохова М.А. (и все-таки, как стыдно перед Михаилом Александровичем). Приведем еще один довод, снимающий вопрос о плагиате. М.А. Шолохову за его роман была присуждена Сталинская премия. Не думаю, что И.В. Сталин дал бы премию своего имени автору произведения, чье авторство оспаривается. Наверняка Сталин

знал о нехороших разговорах вокруг «Тихого Дона», знал и досконально проверил (проверили его службы) все версии о плагиате. Плагиата не было... Был (есть) великий роман и его могучий автор — Михаил Александрович Шолохов.

* * *

СОЛОВЕЙ

*Хорошее раннее утро.
Уютно и чисто вокруг.
Поёт соловей — и как будто
Близ солнца рождается звук.
Я слушал. Я шёл. И замер.
В двух метрах всего от дёвья
Увидел своими глазами
Трепещущего соловья!
Казалось, все силы у птицы
Прекрасная песня берёт;
И сам богатырь не скупится,
Всего ей себя отдаёт.*

* * *

Сейчас я Федосеева-Шукшина, — говорит больной в психобольнице. — Федосеева — когда здоров, Шукшина — когда болен. А вот она сама как Шукшина — мертва.

* * *

Объявился русский Карл Маркс: Сергей Миронов выступил в СМИ («ЛГ», 2007 г., № 47-48) с большой статьей «Будем строить третий социализм». Построим?..

* * *

Начинать жить по-новому нужно не с бухты-барухты, а, например, за один день до очередного своего дня рождения.

* * *

Хвалят молоджавость Андрона (Андрея) Кончаловского. Да и сам он кокетничает по этому поводу. Похвала сомнительная. По Пушкину, молоджавые лица производят такое же странное впечатление, как и молоджавые мысли... По мне, лучше уж кощениость лица Евтушенко: здесь он естествен и не молоджав. Впечатляет, однако.

* * *

Да и дела у него (Евтушенко), кажется, пошли на лад: к показу готовит с солидной компанией серьезную вещь «Идут белые снега». (См. «Российскую газету», 7 декабря 2007 года. Здесь дан и портрет поэта.)

* * *

Приходит период политического (не экономического) коммунизма, период «самоуправления», возглавляемого В.В.Путиным. Оно будет верховней государственного управления обществом, страной. Такой период в нашей истории уже был — в советское время. Здесь оно (управление, руководство) осуществлялось партией, КПСС. Генсек партии И.В. Сталин, известно, долгое время не занимал никакой государственной должности. Но именно он был фактическим (не юридическим) главой страны, главой государства — и в качестве такового ставил на суровых документах свою подпись «И. Сталин», не указывая своего статуса.

В каком же официальном виде будет В. Путин как глава России? Пойдет ли он дорогой Сталина или проторит свой путь? Интересно ждать

ответ на поставленный вопрос. «Блажен, кто посетит сей мир/ В его минуты роковые».

* * *

Не инфузория ли туфелька, не одноклеточная ли амеба пишет сегодня стихи? Хорошо бы, если бы. Но нет — какое-то иное бестелесное существо. Но уж не Лепешинская же Рубайская, проводившая свои сомнительные опыты над инфузорией, растирая ее?

Бр-р-р.

* * *

Критик поправляет меня: «Господь не обидел Рубай-скую-Лепешинскую ни телесами, ни аппетитом. Ну а то, что многие наши стихи безлики и бестелесны, тут ты, пожалуй, прав».

* * *

Творчество должно приносить радость писателю. Эту радость разделит с ним его читатель.

* * *

Покойный Иоахим Геббельс советовал при слове (надо полагать, виде) «интеллигенция» сразу же хвататься за револьвер. Большую опасность, чем интеллигент, являют ныне «поэты». Только — за какое оружие «хвататься» нам, слыша современных поэтов?

* * *

Хемингуэй советовал писателю заполнять не более страницы в день и останавливаться на том месте, с которого можно начинать новую страницу «завтра». Как знать. Может, это и верно — для самого Эрнеста Хемингуэя. Потому что, как тогда быть, например, с болдинской осенью А.С.? (Правда, случившейся до совета американского писателя.) Или и здесь справедливо пушкинское «таков и ты, поэт, и для тебя закона нет»?

* * *

Два поэтических языка на Руси. Огненный язык протопопы Аввакума (Аввакум и сгорел в настоящем огне — костре царя) и объемно-солнечный язык Александра Пушкина. (И Пушкин сгорел, и было это самосожжение: сгорает же, в природе, солнце.)

* * *

Поэтической столицей России в XX веке был Санкт-Петербург, Ленинград: в нем жила Анна Андреевна Ахматова. К ней тянулись литераторы обеих столиц страны, а многие (особенно молодые) — считали себя ее подданными.

* * *

Одно ясно: большую русскую литературу могут делать только русские люди. На худой конец — имеющие татарские корни (Державин прежде всего). Ну а Пушкин? Счастливое исключение из правил.

* * *

Русские революции 1905 — 1917 годов развязали в России литературный язык еврейскому населению и вырастили целое дерево еврейских писателей и поэтов — Эренбург, Пастернак, Мандельштам, Саша Черный, Аркадий Аверченко... Особенно густой выросла его одесская ветвь — Багрицкий, Бабель, Петров, Катаев... До революций еврейских писателей на Руси не было (разве что Фет да Шолом-Алейхем). Феномен, однако. Но не ради же этой поросли совершались наши революции?..

Говорят о школе Станиславского, о школе Тютчева и т.п. как о направлениях в области искусства и о людях, представляющих, развивающих эти школы. Но есть ли школа Пушкина, Достоевского, Толстого? Нет ее (их). «Ты царь: живи один». У Пушкина, как и у Шекспира, не нашлось продолжателя (П.К. Губер). Нет здесь ничего удивительного: есть ли школа у василька, у ромашки — как у того или иного цветка? У льва, носорога, медведя — как у того или иного зверя? Нет таких школ, как и нет их развития, как и нет, помимо их самих, их представителей в мире растений или в мире животных. Они самодостаточны сами по себе... Не отсюда ли ужас Сальери — ужас пред совершенным совершенством?

*Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет!
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.*

А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

Но, видите ли, когда поэт пишет о звездах, он пишет все-таки не о них, он пишет о людях. Поэтому когда критик пространно говорит («Роман-газета», народный журнал, №22. — Москва, 2007 год) о значимости поэта в таких словах: «Юрий Кузнецов не мог бы стать подлинным поэтом, если бы он, так сказать (знаменательно это «так сказать» — словно соломинка для утопающего. — А.П.), замкнулся в границах национальной культуры. Ибо неотъемлемым и существеннейшим качеством отечественного духовного творчества (кого именно? — А.П.) всегда была страстная устремленность к всемирности, всечеловечности, о чем согласно говорили русские мыслители, художники, публицисты...» (Ну и что с того? Последнее предложение — не более чем добавление к «соломинке». — А.П.) Сама пространность и сами слова критика настораживают: а не старается ли он «заговорить» нас, и, заговорив, скрыть главное — что, так сказать, «король голый»?..

По нашему мнению, не в национальных и не в всемирных границах должен «замыкаться» поэт — он должен быть в «границах человека». Вот тогда он и будет «поэтом людей», а не «поэтом атомного века».

Трагичен образ Сальери у А.С. Пушкина. Наверное, нет ему аналога в литературе. Подобен ему разве что Отелло, своими руками задушивший свою любовь, жену, жизнь — Дездемону. Но и Сальери...

Отелло ревнив и доверчив. Сальери? Зачем он отравил Моцарта? «Я избран, чтоб его остановить, — не то мы все погибли, \ Мы все жрецы, служители музыки».

Все композиторы, до Моцарта и при нем, согласно Сальери, лишь жрецы, служители музыки, и только:

*Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.*

При живом боге трудно творить иному, с тем, чтобы считать (а лучше: чувствовать) себя тоже богом в искусстве. Что же делать? Остановить...

*Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?*

*Подымет ли он тем искусство? Нет.
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!*

И Сальери «останавливает» Моцарта: он бросает яд в стакан с вином (при совместном застолье), и Моцарт выпивает его. Но в том ли трагедия, что Сальери отравливает великого Моцарта? Нет, не в том. Сам Сальери считает, что, отравив творца райских песен, он совершил тяжкий долг, более того: он не мог противиться далее судьбе своей. С таким чувством грешника трагедия еще не наступает. Но она наступила. Моцарт в застольной беседе с Сальери говорит: «гений и злодейство две вещи несовместные». Сальери, думая сначала, что, отравив Моцарта, он совершил долг, — вдруг, оставшись один, заговаривает словами Моцарта:

*Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные.*

А это уже трагедия — трагедия нравственная: осознание провозглашенной максимы и, значит, ненужности злодейства и невозможности считать себя гением — после насильственной смерти Моцарта...

Это и есть последний акт трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», последняя мысль ее, с которой остается мученик Сальери — «и не был убийцею создатель Ватикана».

* * *

Кажется, я понял суть фолкнеровского обвинения Эрнеста Хемингуэя в литературной трусости. Дело в том, что главным героем всех произведений Хемингуэя был он сам (под разными именами). Изображать других главных героев писатель «побаивался». Зато, по Фолкнеру, знакомый предмет Э.Х. описывал так, как никто иной в американской литературе.

Оба, Фолкнер и Хемингуэй, были алкоголиками. Но никому не приходило в голову поставить им в вину это состояние их организма. В отношении их, писателей, объектом критики было «дело» — их произведения.

* * *

Белинский и Вересаев сходно объясняют следующую сцену «Моцарта и Сальери» А.С. Пушкина:

*Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!., без меня?*

Белинский: «За обедом в трактире Моцарт случайно спросил Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравил. Сальери отвечает, что едва ли, потому что Бомарше был слишком смешон для такого ремесла. Моцарт делает при этом наивное замечание:

*Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?*

Эта выходка ускорила решимость Сальери. Здесь Пушкин поражает вас шекспировским знанием человеческого сердца. В простодушных словах Моцарта было соединено все жгучее и терзающее для раны, которою страдал Сальери. Он знал себя как человека, способного на зло-

действие, а между тем сам гений говорит, что гений и злодейство несовместны и что, следовательно, он, Сальери, не гений. (Здесь мимоходом отметим, что сам Моцарт назвал Сальери гением. Однако это тема для другого фрагмента. — А.П.) А! так я не гений? Вот же тебе, — и яд брошен в стакан гения... Но когда Моцарт выпил, Сальери как бы с смущением и ужасом восклицает:

Постой!

Постой, постой!.. ты выпил!.. без меня?

Это опять истинно драматическая черта!»

Этим предложением Белинский заканчивает рассмотрение названной нами сцены.

Схоже объясняет ее Вересаев. Повторив слова о Бомарше, о гении и злодействе, он пишет: «Сальери бросает в стакан Моцарта яд. «Ну, пей же!» Моцарт поднимает стакан и приветствует Сальери. Он выпивает кубок. Свершилось! Сальери в ужасе кричит:

Постой!

Постой, постой!.. Ты выпил?!

Моцарт с удивлением смотрит. Сальери, запинаясь, старается объяснить свой крик:

Без меня?

Дрожащей рукою подносит к губам свой стакан и пьет».

Впечатляет... Но не в этом мы видим ни смысла вересаевского крика «Без меня?», ни значение смущения и ужаса Сальери, по Белинскому, после того, как Моцарт выпил вино с ядом. Там, где Белинский ставит точку, нужно поставить двоеточие. Сальери — не Бомарше. И ужас, если он и был, был ужас не от содеянного, а оттого, что он не успел в это мгновение (употребление вина-яда Моцартом) быть вместе с «богом», выпить вместе с ним. Отсюда и его возглас «Без меня?», и его минутная слабость, «смущение». Скорее всего, здесь было проявление огорчения, а не ужаса. Ужас, настоящий ужас — вот он:

Ужель он прав?.. И не был

Убийцею создатель Ватикана?

Этот крик-стон Сальери можно сравнить с первым криком младенца. Но в каком отношении? Первый крик ребенка возвещает миру о рождении новой жизни — человека; последние, по трагедии, вздохи Сальери говорят нам... о гибели его надежды быть гением.

Сальери хотел «родиться» им после смерти Моцарта, стать, говоря протокольным языком, таковым в результате своего деяния. Увы. Совершено злодейство. Гений и злодейство — вещи несовместные.

* * *

Роль, невольную роль, Сальери (по пьесе А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери») по отношению к Пушкину сыграл (выполнил) Дантес.

* * *

Помнится, Марина Цветаева была рада тому, что А.С. Пушкин был убит иностранцем, а не русским человеком. В противном случае — грех был бы на каждом русском... Убийцей назвал Дантеса М.Ю. Лермонтов. Но был ли он таковым? Не следует ли здесь нам, как в свое время Ф.И. Тютчев (стихотворение «29-ое января 1837») задаться вопросом:

*Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною...*

Правда, тут же Федор Иванович добавляет:

*Навек он высшею рукою
В «цареубийцы» заклеят.*

Но, по Тютчеву, Дантес не убийца, он «цареубийца» (слово — в кавычках). Пусть так. Заклеймим и мы Дантеса как «цареубийцу», как «разрушителя божественного фиала» (из того же стихотворения). Но он не убийца человека (Пушкина), он не преступник. В поединке с А.С. Пушкиным — он дуэлянт.

*Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...*

Вражду Пушкина с Дантесом.

* * *

Вношу небольшую поправку в свое прежнее утверждение о том, что Пушкин не породил свою школу: (нет школы Пушкина): сдается, сам он с его глубокой ясностью был неким праакмеистом (акмеистами были в Серебряном веке Гумилев, Ахматова и другие поэты). Не отсюда ли и моя тяга к Анне Андреевне?

* * *

Парадокс: в революциях невинной крови не бывает; как ни прикинь, вся она «виновная». Это одна из причин, почему ее столь много проливается во время всенародных смут.

* * *

Александр Сергеевич Пушкин не дал Татьяне Лариной настоящего женского счастья — счастья быть женой любимого ею человека, Евгения Онегина. За свою нелегкую судьбу Татьяна отомстила своему поэту. Став, в жизни, Натальей Гончаровой и, следовательно, женой Пушкина, она полюбила другого мужчину, француза Дантеса, что повлекло дуэль и смерть поэта.

* * *

Поэт должен быть признан при своей жизни в качестве творца хотя бы одним живым существом (комаром ли, муравьем ли), с тем, чтобы таковым быть и после своей смерти. Не признанных при жизни гениев — по смерти не бывает (разве что безымянный создатель «Слова о полку Игоревом»). Поэтому двойственное чувство вызывают потуги литераторов посмертно причислить к сонму великих почивших Юрия Поликарповича и Олега Бояновича: мы благодарны им, литераторам, за дружескую память и сочувствуем им в их неплодотворном труде.

(Кстати: что такое поэт-творец? Тот автор, который своей лирой пробуждал добрые чувства и призывал милость к падшим.)

* * *

Мама мне рассказывала, что рано утром, в день смерти отца, 4 июня 1986 года, в три часа, на яблоню, посаженную отцом перед окном дома, сел соловей и стал петь. Соловей словно молился, сказала мама. Отец вздохнул, и умер. Соловей перестал петь... Вот так бы и мне умереть, под молитву птицы. Да не заслужил я, видать, такого счастья.

* * *

По изначальному смыслу «образование» есть процесс, есть приближение к образу или создание в себе (в человеке) образа Божиего, а потом уже — все остальное, т.е. получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение. Нечего и говорить, без достижения основной цели, без Образа — «образованный» человек, скорее, мертворожденное дитя.

* * *

И при царях протопоп Аввакум имел свободу мысли и слова — как мы имеем их по нашей Конституции (статья 29). И до ямы и в яме Аввакум говорил и писал все, о чем хотел говорить, о чем думал. Сожгли его, да что это для Слова? Свое свободное слово протопоп сказал, а что сожгли его грешную плоть, так от этого слова его огнеподобные стали еще огненней, вплотную приблизились к начальному Слову... Порой я думаю: не лучше ли и нам сменить конституционный мешок на яму протопопы — с тем, чтобы и нам явить свое свободное слово?

* * *

Странно: в последний период наличия великих плюсы и минусы в существовании их жизни и смерти как-то перемещаются, находят друг на друга, меняются местами, что ли... Вот и Нина Берберова пишет («Октябрь» 1988, № 11), что если бы Толстой ушел из дому сразу после «Исповеди», он умер бы свободным человеком, изжив свою морализирующую религию. Если бы Пушкин ушел от жены, и двора, и Бенкендорфа, ему не пришлось бы искать смерти. Оба стали жертвами собственной аберрации: Толстой — своей дихотомии, Пушкин — неверия (веры) своей жене. Отсюда — и смерть Пушкина и смерть Льва Толстого, так похожие на самоубийства.

С Берберовой можно согласиться (правда, можно взять под сомнение справедливость понятия «аберрация» — отклонение — для характеристики поведения Пушкина и Толстого). Однако, в случае с Пушкиным плюсов и минусов набирается побольше. Пушкин почувствовал, что в его жизнь вошла беда — с кокетливой Натальей Николаевной и кавалергардом Дантесом — и позор быть рогоносцем (а это не позор мелочных обид), и потому «ему нужен был кровавый исход», по словам Петра Вяземского, друга поэта.

В оценке «вражды» Пушкина с Дантесом и ее развязки Инна Кабыш («ЛГ», 2008, № 3-4) пошла дальше меня (см. мой прежний фрагмент). Она пишет: «Пушкину повезло: убил не он, а его». Объяснение же такого мнения достаточно неожиданное. Пушкин шел к Богу своим путем. Осуществившись как гений, он «уперся в Христа». Теперь, чтобы стать христианином, лично ему нужна была только смерть. И он ее себе организовал.

Может, правильно пишет Инна Кабыш, и все же, все же, все же... И все же — странный путь к Богу, к Христу нашла для А.С. Пушкина Инна Кабыш (и это не считая того, что Пушкин никогда не переставал быть им, христианином). Уж лучше бы она остановилась на приведенном ею в «ЛГ» мнении В. Соловьева. Соловьев считал, что смерть противника (Дантеса) была бы для Пушкина жизненной катастрофой и что после нее он не смог бы писать, а жил бы только для дела личного душеспасения. (Интересно: Мартынов, убив на дуэли Лермонтова, стал вести монашескую жизнь.)

Слова В. Соловьева — хорошее подспорье и для моих «плюсов-минусов» в оценке гениев.

* * *

О дуэли. Сердцем — мы с Пушкиным. Умом — с ними обоими.

О Бунине. Как-то, в разговоре с Берберовой, он сказал: «Если бы я захотел, я бы мог любой из моих рассказов написать стихами. Вот, например, «Солнечный удар» (Бунин назвал один из лучших своих рассказов, самый что ни на есть «бунинский») — захотел бы, сделал из него поэму... Слава Богу, Господь отвел писателя от этого желания: то-то был бы у нас анти-Бунин! Все, за исключением самого И.А., видели, что проза писателя лучше, поэтичнее его стихотворений (здесь мы не имеем ввиду его перевод «Гайаваты»). Вот и Евг. Евтушенко как-то обмолвился, что в прозе Бунин был более поэт, чем в своих стихах.

* * *

А каким разносторонним человеком был этот писатель!

Как вспоминают современники И.А., он любил вслух произносить «непечатные» (впрочем, давно уже печатные) слова, главным образом так называемые детские непечатные слова на «г», на «ж», на «с» и так далее. Так, не избегая этих слов, поведал он однажды в гостиной, какой случай произошел с ним в молодости. Повествование начиналось, как первый рассказ в «Темных аллеях», только барин был молодой и приехал в избу к молодой бабе. Входит барин в избу, видит — крепкая, грудастая молодая одна. Он в восторге от предстоящих возможностей. Готов уже взять ее за грудь и замечает, что она на все согласна. И вдруг с полатей раздается старческий дребезжащий голос: «Настя, я усрался». Барин (то есть Бунин) выскочил из избы, вскочил на лошадь и пустил ее галопом.

Он любил смех и всякую «освободительную» функцию организма, все то, что вокруг и около этой функции. Он и к любви относился не только как к чувству, но и как к освободительной функции организма. Но вот что важно. Будучи совершенно земным человеком, он писал о любви, о жизни в готовых и существовавших до него формах (подробнее об этом чуть ниже) — но удивительным языком и с полным отсутствием пошлости.

А какое количество пошлости было у так называемых русских реалистов начала XX века! Примером может служить не только Арцыбашев, Амфитеатров, но и ранний А.Н. Толстой. Даже у Горького, позднего русского «викторианца», можно иногда найти пошлое.

Но не у Бунина. Он не принимал так называемое современное (того времени) искусство. Для него даже Роден был слишком «модерн». «Бальзак его — говно, — сказал он однажды. — Его потому голуби и обосрали». Из русских — стихи Гиппиус возбуждали в нем злую насмешку. Белый (от белой горячки) был опасный сумасшедший. Бальмонт, Сологуб, Вячеслав Иванов были крестинами (хотя, как признал он в своих «Воспоминаниях», их имена навеки останутся во всемирной истории). Сам И.А. Бунин создавал прекрасное в «примитивных» формах, главным образом, в форме рассказа. Создавал удивительным русским языком. И: «Все, что я писал и пишу, — все о любви», — сказал он.

* * *

Есть особая болезнь (несколько отличная от графомании): писание внешне грамотных, но, в себе, слабых стихотворений. Таковы, например, стихи Андрея Вознесенского; ни уму ни сердцу. Нет, уму они что-то дают, а вот сердцу — нет. Впрочем, есть у Вознесенского хорошее четверостишие:

*Какое бешеное счастье —
С оторванною головой
Под улюлюканье промчаться,
Вертя воронкой горловой!*

Это про зарубленного петуха. Но и здесь — причем тут улюлюканье? И петух в таком состоянии не бежит, он некоторое время пытается взлететь, он трепыхается.

А вот стихи Бродского не то что ни уму ни сердцу, они противны и уму, и сердцу. Они и сотворены против и ума и сердца. Не любя Россию, ее людей («нас окружают одни хазырим», — т.е. «свиньи», евр. — сказал он однажды, еще до отъезда из СССР, Я.М. Лернеру), Иосиф Бродский выполнял, зряче, незряче ли, заказ Запада. В развале нашей страны, в создании из нее рынка для Запада и сырьевой базы для него же важно было оскотить русский народ, представить его народом второстепенным, но живущим на гигантской территории. Надо было подорвать веру в его самосознание и веру в его культуру. Надо было навязать извращенный взгляд на нее. Этот заказ неплохо выполнял Иосиф Бродский. За это — вот тебе, Бродский, нобелевская...

Выходит: слабы стихи не только графоманов (они по природе своей не могут быть иными; но они безвредные и беспомощные), но и поэтов, выполнивших их по заказу — по собственному ли, по иному ли; но они могут быть далеко не безвредными.

Исключение. Слабы стихи и Ивана Алексеевича Бунина, но слабы особой слабостью — по сравнению с собственной его прозой.

* * *

С мнимыми цепями на теле и с томлением духа Проповедник создавал книгу Екклезиаста. Находясь в тюрьме, растил свой великий роман Сервантес. Из ямы-подземелья словом-письмами являл России свой дух вул-канодышащий протопоп Аввакум. Однобоки были они; однобокими были и их произведения.

На воле были Толстой и Достоевский. Возложили они на себя духовные вериги — следовательно, однобокими были и эти творцы и их «Воскресенье» и «Бесы».

Где полнота? Где истина? Пушкин с его «Маленькими трагедиями», «Цыганами», «Полтавой» был свободен и телом, и духом. Потому стал он солнцем на небосклоне поэтических светил.

* * *

Достоевский назвал князя Мышкина идиотом: по крайней мере написал о нем книгу, дав ей такое же название. Так что же, князь будет привлекать писателя к ответственности за оскорбление? А ведь Федор Михайлович в его лице хотел изобразить Иисуса Христа. («Будет» — с учетом того, что и Христос, и Мышкин, и Достоевский — вечны.)

* * *

Пишет писатель о Каренине или Карениной, Отелло или Дездемоне — все равно он пишет о себе; в себе он находит такие черты, которыми наделяет своих героев. Поэтому не может, все же, писатель-мужчина точно изобразить «свою» женщину. Только, сдается, А.С. Пушкин верно (как женщину) дал нам Татьяну Ларину, Зем-фиру, Наину да ступу с бабою-ягой. Так что следует говорить не только о всемирной отзывчивости (по Достоевскому) Александра Сергеевича, но и о его некоем гермофродитизме и проч., что ли.

* * *

Нет, что ни говори, обмельчали ныне люди. Вот, Максим Горький целые очерки писал о Чехове, Льве Толстом, Ленине... А я? «Отделяюсь» какими-то литературными фрагментами о них.

* * *

Песня «Солдатушки, бравы ребятушки», может, всем хороша, да не этой своей строчкой: «Наши жены — пушки заряжены». Что имеет в

виду песня? Что жена, как и пушка, может выстрелить, то есть, в данном случае, родить ребенка? Может, и это. Да слишком тонко для песни. Не хочется хвалить пропеваемую строчку. Кстати, в песне солдатешек спрашивают о наличии у них жен, сестер, дедов, но не детей. Почему?

* * *

Как писала Анна Ахматова, она раскрыла тайну первоисточника «Золотого петушка» А.С. Пушкина. Литературный источник — сказка Вашингтона Ирвинга «Звездочет». Не примеряла ли Анна Андреевна при этом «раскрытии» образ шамаханской царицы к самой себе? По-моему, это естественно для любой женщины.

* * *

Верно: короля делает его окружение.

Верно: Иисус Христос сделал своих учеников (апостолов).

В первом случае — власть мирская. Во втором — не мирская.

* * *

Когда начинаешь читать Библию, ощущение такое же, как если тыходишь в храм.

* * *

Как ни старайся поэт спрятать свою поэтическую натуру, да только все тщетно: покажет она себя так или иначе. Это все равно, что бесу прятать свои рога или копыто. Правда, есть одно но. Обычно под поэтической сутью понимают ее условную беспомощность в делах, в прозе жизни. Но как же ратные дела Лермонтова, хозяйственные — Фета и бог весть какие Брюсова?.. А так, вроде все правильно: «я поэт, и тем интересен» (В. Маяковский).

* * *

Как умер Сократ? Интересно умер. Приговорил его афинский суд за «безнравственные» беседы с молодежью к смерти. По приговору — философ должен был публично принять яд, выпить чашу с настоем цикуты. Ночью в тюрьму, куда был помещен Сократ накануне казни, пришли его друзья и предложили ему совершить побег в соседний город — полис. Философ отказался от сделанного ему предложения. Он согласился с приговором суда. Но как дальше развивались события? Сократ попросил друзей принести ему (это происходило в тюрьме) чашу с цикутой — и выпил ее. Итак, что же произошло в действительности со смертью Сократа? Самоубийство, а не казнь. Нравственно ли поступил философ, гражданин Афин? И не прав ли был суд, осудив Сократа (правда, по другому поводу, но по тому же основанию)? Вторично, что ли, должно состояться судебное решение?

Но почему я заговорил о Сократе? Вот почему. Сократ поведал своим друзьям о действии цикуты. Сначала немели ноги; яд поднимался выше, дошел до сердца, и Сократ умер.

Сейчас у меня начался процесс «оцикутивания»: немеют пальцы ног. За какие грехи? И какой яд добрался и до меня? Как видим, вопросы серьезные. И кто ответит на них — сам я, родные и близкие?..

* * *

Каждый живой организм (как, например, литература-поэзия) в своем развитии должен иметь детство, зрелость и т.д. И именно в этой последовательности. Но вот русская литература (у меня такое впечатление) сразу началась с периода зрелости. Это золотой век ее. Хронологически — XIX век. А как же детство? И оно было. Это ее Серебряный век. Хронологически — первое двадцатилетие XX века. То есть после периода зрелости. Видимо, так бывает в жизни; видимо, такая последователь-

ность для нашей литературы была нужна (не зря же диалектики утверждают, что любое стоящее развитие совершается по «спирали»).

О, какое это было детство! Настоящее — озорное, веселое.

*Дыр бул щил!
Убещур.*

Каково?! Алексею Крученых отвечает Велимир Хлебников:

*О, рассмейтесь, смехачи.
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмияльно!*

Действительно, смеялись, но, читая, и восхищались прелестью славянской речи. А Крученых критики того времени (они же и поэты) крепко отшлепали за его «убещурство» (см., например: Валерий Брюсов. Среди стихов: 1894 — 1924. — М., 1990. С. 389). Но именно отшлепали, наказали за излишнее озорство, как наказывают взрослые своих детей за невинную шалость. Порой стихи того времени — действительно шалость. А это и есть проявление и характеристика детства... Конечно, это не то, что слова — запахи, поэзия-нюханье позднего Андрея Вознесенского, современного литератора. «Запахи-нюханье» — это, страшно вымолвить, не смерть ли, не похороны ли поэзии?

Но вернемся в период ее детства, в Серебряный век. Начался он, по мнению Александра Боброва («ЛГ», №8, 2008), с весны 1903 года: именно тогда был напечатан коллективный сборник «Северные цветы: третий альманах книгоиздательства «Скорпион». Конец Серебряного века — 1918 год. В феврале этого года был избран голосованием читателей в Политехническом музее в Москве Король поэтов. Им стал Игорь Северянин (Лотарев). В марте того же года, после Брест-литовского договора России с Германией, Игорь Северянин стал невольным эмигрантом, жителем Эстонии. Русская литература (поэзия) лишилась своего короля. Закончился ее Серебряный век.

* * *

Два слова к предыдущему фрагменту. Детство русской поэзии — это ее цветение, это, все же, не ее зрелые плоды. Плоды: «Мария, дай!» (В. Маяковский), «Мне голос был» (А. Ахматова), «Если крикнет рать святая» (С. Есенин)... — хотя, хронологически, строки того же времени.

* * *

Открыл я (для себя) еще одного поэта Серебряного века — Василиска Гнедова. Он создал знаменитую поэму без слов: белый, как снег, лист бумаги, на котором ничего не написано (Смерть искусству, СПб. 1913, с.8). И что? Все лучше, чем многословная поэма «Братская ГЭС» Е. Евтушенко. Поэма Гнедова будит мысль; поэма Евтушенко ее угнетает.

* * *

Слышал: два выросших льва изгоняют из семьи, чтобы занять его место, старого льва, главу львиной семьи. В случае несогласия — молодые львы прокусывают старому льву позвоночник. Изгнанный же лев живет вне семьи, поодаль. Если он уже не может добывать себе еду, к нему ходит одна из львиц из прежней семьи, приносит ему пищу.

* * *

Еще о любви. Людовик XIV, Король Франции, сделал своей фавориткой маркизу де Монтеспан. Узнав о том, законный супруг был в яро-

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

1836

Как здесь по-пушкински работают прилагательные! И с каким тактом уподобляет себя поэт благородному оленю (хотя сам внешне, по отзывам его друзей, был смесь обезьяны с тигром). И льва мы зрим лучше, чем воочию... Тема стихотворения серьезная для человека.

* * *

Разделял и я едва ли не трюизм о слабости стихов И.А. Бунина. «Но тогда, — подумал я, — почему сам Иван Алексеевич был иного мнения о них?» Перечитал я его стихи. И что же? Бунин прав, высоко ценя свое поэтическое творчество... На первое место из стихотворений Ивана Алексеевича следует поставить «Одиночество», кончающееся строчками:

*Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить, —*

Хорошо передающими состояние покинутого женою мужчины.
Точны в нем и эти стихи:

*Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.*

А какова литературная составляющая этого стихотворения! Шестикратная рифма: мной — женой — грядой — водой — тобой — чужой. Смелое чередование амфибрахических и анапестических строк... Словом, нет в нем внешних эффектов, но есть искусная безыскусственность формы — знак властного мастерства.

В другом стихотворении Бунин изысканно передает шелест зимней, умершей листвы шипящими ж, ч, ш, щ: «Жесткой черной листвою шелестит и трепещет кустарник». В третьем — золотит звуком «з» эти живописные строки:

*Застят ели черной хвоей запад, —
Золотой иконостас заката.*

Все это скупое, скромно, чтобы золото не стало сусальным.

А перевод И. Бунина «Гайаваты» Лонгфелло! Был он увенчан Пушкинской премией — и не зря: говорят, подлинник уступает, поэтически, бунинскому переводу...

*Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндены,
Дэлаверы и Могоки, —*

Едва ли не смакуем мы эти экзотические, чуждо звучащие слова.
Но в целом в стихах Бунина нет ни единого слова, какое вошло в нашу речь после Пушкина.

* * *

Сказал я: «чуждо звучащие слова —

*Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги», —*
но когда Пушкин писал:

*От Руцука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,*

— не усаждался ли он той же чарующей инструментовкой диковато,
но и по-русски звучащих слов?

Велимир Хлебников

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик, —*

Не грациозна ли калька бунинских «Чоктосов»?..

Видимо, все это находится в русле того, что авторы «Трех» («Трое», СПб. 1913) выразили следующим образом: «Слово шире смысла. Слово (и составляющие его звуки) не только куцая мысль, не только логика, но главным образом заумные иррациональные части, мистические, эстетические...»

Для русского уха «Бобэоби» так же заумны, как и «чоктосы; «шошоны» — как и «гзи-гзи-гзэй» Хлебникова.

* * *

Самовитое слово Хлебникова (он изобретатель этого слова) выражает самую стихию русской речи:

*Я смеярышня смехочеств
Смехистелинно беру
Нераскаянных хохочеств
Кинь злооку — губирю.
Пусть гопочичь, пусть хохотчичь
Гопо гоп гопопей
Словом дивным застрекочет
Нас сердцамаи закипей.*

И т.д. («Дохлая луна», М. 1913, стр. 80).

Поэтическое слово, по Хлебникову, должно быть славяно-русское: «Не увлекайтесь подражанием иностранному! Не употребляйте иностранных слов!» («Трое», СПб. 1913, стр. 35). Лермонтов, по мнению В.Х., обезобразил русскую баячь (поэзию), внесши в нее слово гладиатор; нужно было сказать: мечарь; морг нужно заменить трупарней; слово университет годится лишь для того, чтобы дразнить собак, — Хлебников предпочитает всеучьбище (Там же, стр. 26).

Хихикали (не от его ли смехачей), издевались (не от его ли бобэоби) над Велимиром Хлебниковым — заумником, будетлянином, председателем Земного шара — а следует сделать попытку «услышать в его стихах и в прозе державный голос одного из лучших русских поэтов» (Л.Пантелеев. Избранное, Л. 1967, стр. 502).

Повторю: нужно, действительно, носить в душе самую стихию русской речи, чтобы создать эти вихревые звуки: «пусть гогочичь, пусть хохотчичь, гопо гоп гопопей!».

* * *

Итог. Первая русская политическая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов потерпела поражение. Но она взяла ре-

ванш — в литературе. Результатом его стала большая (может, великая) словесная река, под стать естественной ей Волге, и имя ей: Серебряный век. Много ключей, родников, ручьев, речушек (символисты, футуристы, акмеисты...) напитали ее, влились в нее — но зато каждый сейчас может припасть к ней и выпить «свой» глоток.

* * *

Бунин мне видится айсбергом, оторвавшимся, во времени, от своего литературного материка — от Золотого века русской литературы. Годы его жизни (1870—1953) пришлись и на Серебряный век, но не был он писателем этого века.

Большая часть айсберга — в воде. Мы видим его лишь часть. Так и Бунина, видимо, следует домысливать, прибавляя его к материка или погружаясь в глубь.

* * *

Совестливый человек, это даже лучше, чем добрый: он никогда ничего плохого не сделает. Следовательно, он прежде, впереди доброго.

* * *

Нация должна соединяться вокруг высокого. Русская нация соединялась вокруг Христа, и когда мы говорим о великом русском искусстве, именно это надо иметь ввиду. Именно это — внутреннее содержание, смысла русской нации, — чувствовали, постигали, излагали — Пушкин, Гоголь, Бородин... Боян, Нестор, Римский-Корсаков...

* * *

«Ты похож на обезьяну», — говорят мне. «Нет, — говорю я. — Это Александр Сергеевич похож на обезьяну. А я похож на Александра Сергеевича». — «Это как же?» — «Просто. Деревня Жильнево, родина моего отца, находится чуть более версты от Полотняного завода. Крестьянские девушки Жильнева летом носили к барскому столу Гончаровых лесную ягоду (а места там и сейчас лесные да речные). Одна из моих прапрабабушек, как утверждает семейное предание, была из тех крестьянских девушек да к тому же красоты замечательной. Естественным образом поэт отдал дань этой красоте... Эту историю поведал мне, уже взрослому, мой отец — сам крепко походивший на Александра Сергеевича».

* * *

Привожу стихотворение Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова; хочу, чтобы его знали хотя бы по моей книжке.

*Когда умирают кони — дышат.
Когда умирают травы — сохнут.
Когда умирают солнца — они гаснут.
Когда умирают люди — поют песни.*

Хочу, чтобы как можно большее число людей, трав, коней, солнц прочитали бы эти строчки — строчки про самих себя и про своих соседей по стихотворению: для меня ясно, что поэт создавал стихотворение не только для самого себя и людей, но и для коней, трав, солнц.

* * *

Признаем, однако: первая и четвертая строчки стихотворения Хлебникова находятся в некоторой дисгармонии со второй и третьей. Первые создают героический образ умирающих (коней, людей); вторые — описывают сам процесс умирания: засыхание трав и есть их умирание... Процесс, надо сказать, безвольный.

* * *

Опять я что-то не досказал в характеристике стихотворения Хлебникова. Да стихотворение ли оно? Не четырехстрочный ли это эпос? Нет в нем рифм — и не нужны они здесь. Нет их ни в «Илиаде», ни в «Манасе»... Коль скоро это эпос, то и оправдано наличие в нем и одушевленных, и неодушевленных героев (персонажей).

* * *

Есть, если можно так выразиться, простая правда, и есть ее образ, т.е. поэтическая правда.

Читаешь превосходный лермонтовский «Кинжал».

*И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.*

Удивительно — ясно видишь: и глаза, и кинжал. И все это одновременно. Как это может быть? Смотрю сейчас в распахнутое окно — и вижу то, что передо мною, и в это же самое время, в какую-то долю секунды, — и то, чего не видят за окном мои глаза: глаза и кинжал из «Кинжала». Они ярко живут во мне, и я их вижу.

*И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.*

Жемчужина страданья!.. Волшебное дело — поэзия: хорошо, красиво. Поэтическая правда.

* * *

Еще из жизни Пушкина.

29 мая 1899 года в лицейском саду Царского Села состоялось торжественное открытие памятника юноше Пушкину. Один из великих князей, обозревая новый памятник, хотя и нашел его «весьма удовлетворительным», но выразил неудовольствие тем, что бронзовая фигура Пушкина выглядит слишком черной и потому мрачноватой. «Не покрасить ли ее в более веселый цвет?»

За лицеиста заступился Иннокентий Федорович Ан-ненский (поэт, автор «Кипарисового ларца»; но как заступник он был официальным лицом — директором классической гимназии в Царском Селе): «Ваше высочество, — мягко сказал он, — не забудем, что Пушкин был происхождения арапского. А что касается веселого цвета, то не лучше ли выкрасить скамейки в сквере?»

Князь не мог не улыбнуться, свита почтительно рассмеялась, а лицеист Пушкин сохранил свой африканский цвет кожи.

Автор памятника, скульптор Р.Р. Бах, подошел после к Анненскому и молча пожал ему руку.

Так поэт (в который раз) отвел династическое неудовольствие от своего кудрявого собрата; прежде, помнится, Александра Сергеевича заслоняли от Царского гнева то Жуковский, то Вяземский...

Напомню: в России великий князь — брат русского царя. Памятник юноше Пушкину в Царском Селе был поставлен ко дню рождения поэта — выходит, также к династической дате.

* * *

Иннокентий Анненский рассказал еще об одном курьезном случае, связанном с открытием памятника лицеисту Пушкину.

Анненский сам выбирал стихи Пушкина для постаментов. Ночью, накануне открытия, он проснулся в холодном поту. Ему показалось, что

одна из цитат приведена неточно и камни выбили на постаменте не «весной при кликах лебединых», а «весной при криках лебединых». Он соскочил с постели и в пятом часу утра побежал к баховской скульптуре, уже установленной на место, но еще скрытой от взоров публики серым полотнищем. По счастью, тревога оказалась напрасной.

Днем на официальном торжестве он рассказал о своих ночных волнениях какому-то «пушкинисту» профессорского звания.

— Стоило ли волноваться, Иннокентий Федорович! — с улыбкой сказал профессор. — «При кликах» или «при криках» — какая разница?

— Разница большая-с! — возразил Иннокентий Федорович. — Ровно сто лет: восемнадцатый и девятнадцатый век!

* * *

«Когда слово не наказывает, то и палка не поможет», — сказал как-то Сократ. Самого Сократа, известно, наказали за его слова-беседы с греческой молодежью. Но что имел в виду философ, говоря о слове и палке и откуда он извлек этот афоризм? Уж не из своего ли житейского опыта? Похоже, да. Ксантиппа, жена его греческая, нрава была крутого: вразумляла она мужа и словом, и делом (палкой), с тем, чтобы тот домашними обязанностями озаботился. Не ПОПЕЛО, видать, вопрек Сократу супружеское воспитание — зато афоризм родился: собственный и вот этот: нет худа без добра, а добра — без худа.

* * *

Своим мыслям о футуристах я нашел созвучие вот в этих словах Горького 1916 года: «Грубость и хулиганство у них наигранные, поверхностные. В душе это совершенно иные люди, умные, славные ребята. У них свои мысли, свои чувства. От пафоса отрицания они неизбежно перейдут к утверждению. Конечно, далеко не все, но те, кого не удовлетворит эта детская игра в словесные бирюльки. Во всяком случае, в одном из них я уверен. Это — Владимир Маяковский...»

Хотел и я, продолжая свои фрагменты, сказать несколько слов об «отрицании» и «утверждении» в творчестве футуристов, да не успел: Горький «опередил» меня. С чем я, однако, не согласен с Алексеем Максимовичем: с его порицанием «детской игры в словесные бирюльки». Не согласен потому, что «игра» настоящих детей со словом — необходимый этап в обретении ими настоящей (взрослой) речи; а если это этап, в котором «детское» слово само становится предметом творчества поэта, то честь и хвала ему (поэту: Крученых, Хлебникову, Маяковскому). Хотелось, может, чтоб было отрицание, а получилось утверждение... С этой игрой, с этим утверждением жить нам и дальше. «Бур дыл...», извините, «Дыр бул щыл» Алексея Крученых одолел век, одолеет и другой...

* * *

Интересно, что сказал бы сейчас И.Ф.Анненский, узнав, как это узнал я из СМИ, что в каком-то городе Украины (уж не в Полтаве ли, которую столь чудно воспел А.С.Пушкин?) тамошние люди (?) облили краской «москаля» Пушкина? Сказал бы, наверное, следующее: «Разница большая-с. То девятнадцатый век, а это — двадцать первый.

* * *

Я думал, что стих «День пережит, и слава Богу» принадлежит Пушкину. Вчера, перелистывая томик стихотворений Ф.И.Тютчева, обнаружил, что его написал Федор Иванович: «День пережит — и слава Богу!».

Задумался: а, вообще, мог ли его создать А.С.? Наверное, нет. Этот стих мог написать лишь человек, который прожил или предполагал (пусть интуитивно) прожить достаточно долгую жизнь. Таковой стала жизнь Тютчева: 1803 — 1873 гг. (Стихотворение «Не рассуждай, не хло-

почи!..», которое завершает цитируемая нами строчка, написано в 1850 году.). Пушкинский же век — неполных 37 лет. А.С. понимал свой срок жизни, потому и не мог написать «День пережит — и слава Богу!» — каждый день был у него на счету, весом, и не мог он столь облегченно относиться к нему.

* * *

Стихи это стихи, а песня это песня. Стихи еще могут быть песней, песня же стихами — нет. Бардовские песни Высоцкого — не стихи.

Во многом, этот пастулат справедлив и к авторским напевам Окуджавы. (Что, т.е. сей постулат, нисколько не умаляет значение сих прекрасных авторских песен.)

* * *

Попутно отметим: можно предположить, что некоторые строчки своих стихотворений поэты Золотого века (Пушкин, Тютчев...) пробовали «мурлыкать про себя», но петь их, а тем более все стихотворения, да еще на публику — вряд ли. Читать же вслух свои произведения поэты прошлых веков могли («Бориса Годунова», например)... Что касается песен на их стихи, то их создали во многом количестве композиторы — как при жизни, так и по смерти (что еще более весомо) того или иного поэта. Сам же я, не имея ни малейшего музыкального слуха и не зная нотной грамоты, частенько напеваю не вслух «Буря мглою небо кроет...».

* * *

Вот прошла еще одна весна победного 45-го года. Я помню первую его весну. Был поздний вечер, но мы, ребягня села Карамышево Калужской области, продолжали играть на пространстве перед моим домом, бывшем ранее садом (сад сожгли немцы зимой сорок первого — сорок второго года). Вдруг я посреди игры с внешней стороны сада услышал покашливание. На мгновение я остановился как вкопанный, а потом помчался на кашель, не видя человека. Отец!.. Но как я узнал, почувал его, если мы расстались в июне сорок первого, четыре года назад?..

* * *

Литература, напрямую основанная на «разоблачении» конкретной исторической личности — Тимура, Медичи, Ивана Грозного, Сталина (исключение — Иуда) и т.п. — плохая литература. Можно, имея их в виду, создавать художественный образ — и тогда уж от таланта писателя зависит воздействие «Медичи», «Тимура» на читателя. Говорят же в отношении человека из вашего окружения, не угодившего вам: пойми его и, значит, прости. (Тем более, может, и вы виноваты во взаимоотношении с ним.) Так и при оценке исторического лица — следует понять его и, значит, «простить» (тем более, что «виноватыми» в их жестких поступках бывают зачастую сами исторические обстоятельства).

Писатель, создавая образы, отталкивается от того или иного живого человека, но он описывает его под другим именем. (Кстати: Чехов «списал» своего человека в футляре, кажется, с несчастного школьного учителя. Но когда узнал, для чего этот человек экономил, собирал каждую копейку: чтобы содержать осиротевших детей своей сестры, — человек-писатель расстроился от созданного им рассказа).

Приведенный пример должен быть распространен и на случаи описывания исторических человек (дабы не было стыдно за свое писательское деяние).

* * *

Самое красивое человеческое имя: Слободан Светозарович Милошевич. Сербское имя последнего по-настоящему легитимного югославского

лидера. Хотя бы из-за своего имени — Милошевич был необорим другими именами. Лицемерная и бесноватая Карла дель Понте (лицом к лицу имена: Карла — Слободан), прокурор Гаагского трибунала, не смогла насладиться заготовленным для Президента смертным приговором: 11 марта 2006 года Слободан Светозарович был освобожден Господом из камеры Гаагской тюрьмы. Мир праху его!

* * *

Есть УПК, есть ГПК, есть протоколы судебных заседаний, а мы о настоящем и даже реальном судебном процессе с его глубинными течениями — мыслями и желаниями участников — судим по роману «Воскресенье» Льва Николаевича Толстого. Такова сила искусства.

* * *

Почему нам не нравятся некрасивые лица? Повидимому, потому, что некрасивые черты другого лица невольно переносишь на свое — и сопротивляешься этому процессу и отторгаешь это другое, некрасивое лицо...

Впрочем, может, есть иное объяснение описываемому явлению.

* * *

«Карабкаешься, карабкаешься на олимп. Не идешь, не восходишь, карабкаешься». Огорчился я поначалу дружеским словам — задел слух глагол «карабкаешься», а потом порадовался: карабкаюсь? Что ж; но куда? На Олимп.

* * *

Лето 1917 года пьянило всех в России духом свободы. Дашь ее свободу и во всем. Дашь повальную свободу.

Поэт Велимир Хлебников констатировал:

*Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты...*

Чем она обернулась через год — другой? «Землею, с которой голодал, и полуживую вынянчил». Миллионы убитых и погибших в Гражданской войне — рабочих, чиновников, крестьян, офицеров и солдат, священников, предпринимателей, просто мещан — и беспредел сменяющих друг друга властей, хаос, братоубийство, голод, тиф и холера, страшная разруха, гибель культуры... Вот чем обернулась хлебниковская «свобода нагая»! Лучше, если бы она была «одетая». (Это я говорю с оглядкой и на сегодняшнее время.)

* * *

Бывает с поэтами и такое. Написанную Хлебниковым в мае 1920 года поэму «Ладомир» он сам был не в состоянии воспринимать. Только через несколько месяцев, в феврале 1921 года, в дневниковой записи отмечено: «...мог спокойно перечитать «Ладомир» и охватить содержание, бывшее больше меня до этого времени».

Однако...

Однако хороши вот эти стихи поэмы:

*Лети, созвездье человечье,
Все дальше, далее в простор
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.*

С этой поэмой был и другой казус: напечатанная в журнале «Лесф» в 1923 году, она стала казаться: одним какой-то поэтической страной, другим — каким-то новым, созданным поэтом божеством... Может, страна, может, божество, может быть, и многое другое: смысловое богатство «Ладомира» неисчерпаемо.

*Опять волы мычат в пещере
И козье вымя пьет младенец,
И идут люди, идут звери
На богороды современниц.
Я вижу конские свободы
И равноправие коров:
Былиной снов сольются годы,
С глаз человека спал засов.*

* * *

Умер Хлебников в 1922 году на тридцать седьмом году жизни (уже хотя бы этим жизненным сроком он включен в пушкинский мир). Жизнь его, как и жизнь другого поэта, была вспышкой вечности, ее горением... Вот одно из последних стихотворений «будетянина»:

*Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе.
Будь мною, будь Хлебниковым.*

* * *

Федор Иванович Тютчев сказал:

*Хорошо умереть;
Тяжело умирать.*

Другой поэт той же эпохи (Языков? Хомяков? Не помню), сильно прогнев, разослал своим друзьям приглашения на свои похороны. Те приехали (они и не подумали, что сообщение поэта — шутка) — и похоронили друга.

В декабре 1921 года Хлебников уже знал, что жизнь его подходит к концу. «Люди моей задачи, — печально и спокойно говорил он, — часто умирают тридцати семи лет». 28 июня 1922 года Хлебников умер.

Родился он в 1885 году, 28 октября.

Удивительные это люди, настоящие русские поэты!

... Тут поневоле подумаешь и о своей смерти.

* * *

Свобода, по А.С. Пушкину, это прежде всего личная свобода, это свобода посвящать души прекрасные порывы Отчизне, это свобода — честь.

Велимир Хлебников, для сравнения, в 1918 году в стихотворении «Воля всем» восклицал:

*Двинемся вместе к огненным песням,
Все за свободу — вперед!
Если погибнем — воскреснем!
Каждый потом оживет.*

А вот подлинные пушкинские строки:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,*

*Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

Есть у Александра Сергеевича и другие (чудесные) слова (стихотворение «Из Пиндемонти») о свободе:

*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.*

Это он и о своей свободе творчества и ее плодах.

Богат, читатель, у тебя выбор обретения свободы. Тут и твое счастье, и твои права... И обязанности тоже.

* * *

Поэт Евтушенко, рассердясь, назвал поэтессу А. «Открытым акционерным обществом» (ОАО). Что имел в виду поэт, неизвестно. Образно, однако.

Другой поэт, ровесник первого, видать, по сходному случаю, назвал ту же поэтессу «краской, готовой к употреблению». Ай-ай.

* * *

«Граф нанес второй визит графине и стал быстро-быстро овладевать ею. Какой вы шалунишка, сказала графиня графу». Вот как, по французскому анекдоту, можно писать о женщине.

* * *

Опять о Председателе Земного шара (взял-таки Хлебников меня в полон). В апреле (сейчас на дворе тоже апрель) 1910 года вышел совместный сборник «Садок судей» (авторы Хлебников, братья Бурлюки, Матюшин, Елена Гуро). С него, собственно, и начиналось футуристическое (будетлянинское, от слова «будетлянин» — термин Хлебникова; лат. «футурум» — будущее) движение в русской литературе (поэзии).

В 1913 году вышла вторая книга «Садка судей» с произведениями и других футуристов — Бенедикта Лив-птица, Крученых, Маяковского.

Давид Бурлюк, Алексей Крученых... — имена известные, даже скандально известные в годы их громокипящих литературных выступлений. На фоне их Хлебников оставался в тени. «Его тихая гениальность, — много лет спустя признавался Маяковский, — тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом». Тем не менее и старые и новые буделяне — все они, вольно, невольно ли, чувствовали: они — птенцы гнезда Хлебникова. Творчество, скорее словотворчество поэта, весь звуковой, ритмический и интонационный строй его стиха, ориентированного на разговорную речь, стал основным источником поэтики русского футуризма.

Признательную дань Основателю, пожалуй, лучше всех «оформил» другой поэт — Маяковский. На диспуте «О современной литературе» в 1913 году, как вспоминает Крученых, особенно запомнилось, как читал Маяковский стихи Хлебникова. Бронебойно грохотали мятежные

*Веселош, грехош, святош
Хлябиматствует лютёж.
И тот, что стройно с стягом шёл,
Вдруг стал нестройным бегущёл.*

Кажется, никогда, ни до, ни после, публика не слыхала от Маяковского таких громовых раскатов баса и таких необычных слов!

Сейчас, когда литературные грозы начала двадцатого века давно уже стали историей-всполохами, мы можем взять в руки, как остывшую

молнию, футуристический сборник «Пощечина общественному вкусу» (1912 г.). Мы увидим, что сборник чуть ли не наполовину заполнен произведениями Хлебникова, большая часть которых давно уже стала широко известна — если не хрестоматийна.

*Бобэоби пелись губы.
Вээоми пелись взоры.
Пиээо пелись брови.
Лиэээй пелся облик.
Гзи — гзи — гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.*

(Почему, когда я пишу эти строки, я вижу Крым, море и поэта, идущего кромкой?..)

* * *

В радостном непонимании сижу перед этими строчками Хлебникова (из стихотворения «Весны пословицы и скороговорки...»):

*Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенёт
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползёт.*

Кто или что находится в первой строчке-стихе? Скорее всего, солнце? Или это мальчик-младенец одной моей счастливой знакомой (только-только пытающийся ходить)? И что — за окном я вижу апрельское солнце, а там, на краешке неба-глаза — семящего младенца.

* * *

Беда: нет сейчас ни одного поэта, о ком можно серьезно писать. Удивительно: ни прошлое десятилетие, ни сегодняшнее — оба они не дали нам его. Говорят: в 90-е у нас была революция. Нет, не была. Настоящие революции в России дали ей целые созвездия ярких писателей и поэтов (разумеется, настоящих). Следовательно, «революция» нынешняя — мишура, фальшивый блеск её. Таковы и её литераторы. Да и тех не видно (нужен, что ли, необычный мелкоскоп, чтобы их увидеть?).

Последний поэт (именно поэт) последних двух десятилетий — Владимир Николаевич Соколов. Он умер в 1997 году. Этой весной, 18 апреля, ему исполнилось бы 80 лет. «Литературная газета» (№16, 2008 г.) опубликовала о нём прекрасный материал. Впервые напечатана, в частности, давняя (страницы пожелтели) беседа Анатолия Парпары с поэтом. Парпара спрашивает Владимира Николаевича: «А что чувствовали вы, когда поняли, что вы поэт, что без вас русская поэзия будет неполной?»

Соколов: «Признаюсь, мне всегда хотелось войти в русскую поэзию. Кому мне хотелось показать свои стихи? Не более и не менее как Пушкину, Лермонтову, Маяковскому, Есенину, Блоку, Пастернаку, Ахматовой...»

Как говорится, хороший вопрос и хороший ответ.

* * *

Уф, наконец-то после поэтов (и через них) я подошёл к богам. И то сказать, хорошая это компания: поэты и боги.

Первый поэт нам известен. А кто из богов первый? Наверное, Зевс-Юпитер, верховный бог неба, охранитель своего государства, громовержец. Чем ещё он славен? Похищением Европы (тогда ещё женщины). Прятанием (коли пошалил) от жены Геры. Председательствованием на Олимпе. И многим другим.

Поэты продолжили на земле дела его и его министров.

* * *

Он пил. Напитки были разные — от «БФ» (клей такой) до французских духов; о них он отозвался плохо. О других напитках говорил мягче: «употребляемо». Выше всех напитков ставил спирт (с этой его оценкой я согласен).

Здесь я вспоминаю Монтеня. Французский писатель средневековья советовал не копаться в винах, не брезговать самыми дешёвыми. Наверно, он прав. (Кстати, не отсюда ли пошла наша поговорка: и дешево, и сердито?)

* * *

Побывал мой друг в тюрьме (от суммы и от тюрьмы не зарекайся). Было у него время оценить и сопоставить факты своей жизни... Позже он мне говорил: тюрьма, как и церковь, очищает душу человека (мне казалось странным это утверждение). И ещё: лучше тюрьма, чем запои, изматывающие тело, душу и дух человека. (Молча, я с ним соглашался.)

Хороший человек был мой друг.

* * *

Всё, что ни делал бы человек: формулировал ли теорию относительно-сти, открывал ли нейтрон и позитрон, описывал рай или ад — всё это он делал (и делает) во имя женщины. Да и первоначальный импульс любого деяния исходит от неё.

Так я, когда даю яблоко ребёнку, я даю его не только ему, но и женщине — маме этого ребёнка.

* * *

Циолковский, не найдя любовь-женщину на Земле, пошёл за ней в Космос.

* * *

По подсчёту учёных дельфины употребляют тридцать слов-звуков в общении между собой.

*Когда дельфин стихи напишет,
Используя все тридцать слов,
О том, как он подругу ищет,
Как море переплыть готов,
И перевод, считай, до срока
Я сделаю без суеты, —
Тогда скажу, вздохнув глубоко:
«За каждым поворотом — ты».*

* * *

Сформулированный Архимедом закон о погружаемом в жидкость теле не является созданием нечто нового: закон как существенные связи между двумя данностями был и без открытия этих связей Архимедом. Но формулировка греческого учёного стала сознательно учитываться людьми при создании, например, водоплавающих судов... Не то стихотворение. Оно (настоящее) — всегда открытие, всегда нечто новое, всегда, по-своему, закон: по нему человек может строить и свою жизнь, и свои взаимоотношения с другими жизнями:

*О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.*

Были ли ранее эти «данности», зарифмованные Тютчевым? Как знать...

* * *

Самый хороший анекдот, который я когда-либо слышал. «Это правда, — спросили Дитрих, — что у вас был роман с Эйзенхауром?». — «Что вы, — ответила Дитрих. — Генерал никогда так близко не подходил к передовой». Напомню: Эйзенхауэр — американский генерал, командовавший войсками союзников в годы Второй мировой войны. Дитрих — великая артистка, выступавшая перед солдатами на атлантическом побережье для поднятия их духа.

* * *

Вижу сон. Иду я ливадийской набережной. Почему-то пустынной. Навстречу мне выходит Сталин. Доходит до меня и идёт назад. Я иду рядом с ним. Молчим. Замечаю: за каждым виноградным кустом стоит серьёзная охрана. Сталин останавливается. Долго и внимательно смотрит на меня такими же, как у меня, зеленовато-серыми глазами и говорит: «Ничего. Но мягковат». Тут я проснулся. Пожалел, что проснулся: не успел спросить: «Иосиф Виссарионович, вы никогда не пожалели, что бросили писать стихи, что не стали поэтом, а стали генералиссимусом? Потягались бы с Державиным, с Пушкиным или, у себя, с Шотой Руставели...»

Всё равно, хороший сон.

* * *

Ещё о сне. Бабушка (дело было в советское время) вышла к завтраку радостная и какая-то светлая. (Обычно она сама готовила завтрак, а тут припозднилась.) «Товарищи, — обратилась торжественно она к нам. — Послушайте, какой я видела сон. Сижу я, значит, в комнате. Шью. Открывается дверь, и в комнату входит Владимир Ильич. В руках он держит пальто. Помогите, говорит. Пальто старенькое, вот оно по шву и разошлось. Я быстро просторчила рукав. Владимир Ильич поблагодарил меня и как-то незаметно удалился... К концу рассказа тон у моей бабушки сник, и она чуть ли не всплакнула. Но потом голос окреп: «Вот, дорогие товарищи, какой я видела сон! И почему это товарищ Ленин обратился за помощью ко мне?»

* * *

Философия? Это приготовление к смерти. Так назвал её, помнится, Монтень. А что к ней (к смерти) готовиться? Не грехи да делай добро — вот и вся подготовка, вот и вся философия. (Правда, делать добро легче, чем не грешить. Тут, видимо, и нужна философия. Аминь.)

* * *

«А кто делать-то будет? Пушкин, что ли?» — спрашивает кто-то из народа. «Пушкин!» — весело отвечают ему. В народе вера в Пушкина (что всё он может, всё поможет сделать), пожалуй, крепче будет, чем вера в Царя-батюшку. (И это — несмотря на ёрнически-озорной вопрос-ответ, зафиксированный мною выше.)

* * *

Рассказывают: из комнаты Чаплина (она же небольшой кинозал) до домочадцев доносились радостный смех, другие звуки одобрения: это режиссёр-артист в одиночестве смотрел тот или иной свой фильм — и радовался ему. (Кинофильмы других режиссёров Чарли Чаплин не любил и без нужды не смотрел их.)

Знаем: Пушкин, окончив «Бориса Годунова», бегал по комнате, бил себя по бёдрам и кричал в восторге: «Аи да Пушкин! Аи да сукин сын!»
Как относиться к подобному поведению творцов?

* * *

А.С. Пушкин в письме П.А. Вяземскому от 13 июля 1825 ликовал: «... я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию — смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие.

Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать её заглавия: «Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб Божий Александр сын Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче». Каково?» Каково? — здесь относится к заглавию. Мы же с восклицательным знаком — каково?! — отнесём ко всей трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

* * *

В главном не повезло Александру Сергеевичу в жизни — в любви к нему его жены Наталии Николаевны. И ведь всё время своего совместного с Н.Н. пребывания на земле поэт знал о нелюбви к нему Гончаровой. Знал, но надеялся, что будет по-иному.

5 апреля 1830 года в своём предсвадебном письме своей будущей теще Н.И. Гончаровой поэт писал: «Привычка и продолжительное сближение одни могли бы доставить мне расположение вашей дочери. Я могу надеяться, что со временем она ко мне привяжется...» — И не простые это были слова в письме, а слова — заклинания. И, конечно, думал Александр Сергеевич не о привязанности к нему его будущей жены, а, как каждый мужчина перед свадьбой, о её любви к нему. Надеялся поэт, что его слова-заклинания сбудутся и Наталья Николаевна полюбит его. (В другом своём письме А.С. надеялся, заклинал, что его ум и талант дадут ему любовь Гончаровой.)

Не сбылись надежды поэта.

Н.Н. Гончарова стала Пушкиной, добросовестно исполняла супружеские обязанности, родив мужу четверых детей, но не полюбила его. В конце своей недолгой супружеской жизни с ним она полюбила другого — тут и сказке конец...

Долго я не хотел признавать тщетность надежд А.С. на любовь к нему Н.Н., но вот признаю. Признаю и намереваюсь в своей жизни учесть ошибку Поэта.

Насильно мил не будешь.

* * *

Перечитал я сейчас свой фрагмент о Пушкине и Гончаровой (с моим стихотворением к нему) и подумал: Господи, а это не реквием ли по мне самому? Н-да... Того гляди, напророчу самому себе собственный конец... Вот и Пушкин незадолго до кончины в стихотворении «Родриг» в 1835 году написал:

*Чудный сон мне Бог послал —
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.*

Но, вообще, не пишет ли каждый поэт, писатель, художник, композитор всю свою жизнь свой реквием?

* * *

Не следует желаемое выдавать за действительное. Пишут («ЛГ» №20, 2008 г.): «Редкая удача в поэзии, когда не надо называть фамилию: поэта узнают по имени. Достаточно сказать: Андрей Андреевич — и всё ясно». Речь здесь об А.А. Вознесенском. Робко возразим — в отношении имени этого поэта. Может, его достаточно для несчастных поклонников А.А., но для большинства читателей просто имя-отчество (без фамилии) ничего не говорит для опознания этого поэта... Я, например, соглашусь в другом случае: скажут «поэт Иосиф» и, может, в памяти всплывёт Бродский — не по значимости, а по относительной редкости имени. Да и то я вытеснил бы этого поэта другим Иосифом — Иосифом Виссарионовичем: юношеские стихи И.В. для меня более интересны, чем строчки Бродского. Вернувшись к Вознесенскому, добавим: «приёмы» А.А. (о чём речь в «ЛГ») во многом, если не во всём, уступают создателям футуристической поэзии — Хлебникову, Крученых, Маяковскому («учителям» Вознесенского, по «ЛГ»). Тех и можно назвать просто по имени: Ве-лимир, Владимир Владимирович...

И ещё: ранняя (со слов «ЛГ») мировая слава не прочнее дыма — после неё наступает столь же раннее забвение.

* * *

Интересная штука: XXI век на дворе, а ты должен себя, своё поведение, свои дела соотносить с «лицами» прошлых веков и тысячелетий: Сократа, Цезаря, Тагора... Почему, зачем? А по-иному жить можно? Как, наконец, с соперничеством с творцом Экклезиаста?..

* * *

Трюкачество хорошо там, где оно составляет самостоятельный вид творчества — в цирке, например. В противном случае ни к чему хорошему оно не приводит. Попробовал у Горького уж совершить трюк — полетать — и что получилось? И о какой славе Андрея Андреевича можно говорить, если его великая «Оза» вместе с «Треугольной грушей» вышли из «Повелики» Алексея Крученых?

* * *

И вот я пришёл к грустному выводу: грехи не замаливаются. Молись, не молись — грехи твои от тебя не уходят, и не уйдут. Всё может уйти от тебя, но только не грехи твои.

Но молиться всё равно надо.

* * *

Факт: написал я (см. выше) нечто наподобие реквиема по себе самому (для себя самого) — и что же? Написанное осталось в рукописи, не было опубликовано, его никто не видел, однако настрой его неким образом распространился на моих родных и близких. Они вдруг забеспокоились обо мне, стали спрашивать о моём здоровье и т.п. Можно, следовательно, говорить не только о силе слова произнесённого, напечатанного, но и написанного тайно, находящегося скрытым от посторонних глаз.

* * *

Создавали свою «Литературную мозаику» Монтень — «Опыты», Саади — «Гулистан», Пушкин — «Застольные разговоры», Вересаев — «Записи для себя», Марина Цветаева — «Статьи и эссе о поэтах и литературе», другие авторы, но, видимо, только первые две вещи можно считать «восьмитысячниками» в этой литературной гряде.

* * *

С черныбыльской трагедии началось правление Горбачёва М.С. С гибели «Курска» началась эпоха Путина В.В. С побед, причём зрелищно-

привлекательных: «Зенита», хоккеистов, певца Билана — пошёл президентский срок Медведева Д.А. Да будет у нас с ним и дальше так во всём! Соскучилась Россия по счастливой жизни.

* * *

«Нет там мощи стиха, где нет мощи греха. Твоего ли, твоего ли героя», — сказал мне однажды мой приятель.

Сейчас я задумался над его словами.

* * *

С годами всё больше и всё доступнее становится одна, в сущности, радость — радость помощи ближнему.

* * *

Как-то тихо и спокойно я остановился на мысли: мне не нужны посредники между мной и Пушкиным.

* * *

Похоже, у Пушкина была своя Мария Магдалина: Анна Керн. Похоже, Керн любила, прости Господи, своего Христа. Чуть ли не единственная из 113-ти именного донжуанского списка А.С. Пушкина женщина, которая любила человека-поэта. Об этом говорят и её поступки, и её воспоминания о Поэте.

Не у каждого поэта есть «своя» Магдалина. А вот «своя» Наталья Гончарова — пожалуй, есть.

* * *

Женщина погубила Пушкина. Женщина погубила Маяковского («Любовная лодка разбилась о быт»). А кто погубил Сергея Есенина? Скорее, что? Отсутствие женщины, настоящей любви. То он «покрыл» (слово Есенина) одну, то другую — но не было одной настоящей любящей его и любимой им женщины. Сергея Александровича Есенина погубила водка. Сильнее водки зверя нет.

* * *

Велика и могуча река наша — Русская литература. Широко, глубоко и державно её течение. И как весело, плавно и бурно, как долго не длилось бы это течение — исток её с чистейшей родниковой водой и светлое устье её — всё он, Александр Сергеевич Пушкин.

* * *

Когда доказательства вины и не вины жены (Натали Николаевны) в неверности мужу находятся в равной доле (см. статью Николая Скатова в «АГ» №23, 2008 г.) преимущество нужно отдать доказательствам вины. И не потому, что «жена Цезаря должна быть вне подозрений» (хотя и потому тоже), но главным образом потому, что это факт жизни. (К тому же доказательства невиновности жены, приводимые Скатовым, производят впечатление попыток неестественных, подогнанных к ранее сделанному выводу, и потому оборачиваются они свидетельствами вины).

И вот ещё о чём я подумал: не было особой любви Дантеса к Наталье Николаевне. Не тот это был человек, чтобы сильно любить (потом, кажется, люди с сильной любовью подолгу не живут; Дантес же умер, когда ему было за восемьдесят). То была модная в то время ловеласовская, скорее, страсть. Да и то недолгая. А вот Наталья Николаевна, может, любила Дантеса.

* * *

Зачем «подгонять» Наталью Николаевну под Александра Сергеевича? И умна-то она была, и образована, и чуть ли не талантлива (в детской её

тетрадошке обнаружены едва ли не искусные стихи). Полно. Не нужно всё это ни ей, ни А.С. ни нам. Она была красива. Она была женщина. Следовательно — права в том числе и по отношению к А.С. Наверное, рановато её выдали замуж. Но она исправно делала в семье своё женское дело: родила мужу четверых детей (при двух выкидышах; и это всего-то за шесть лет супружеской жизни — нет, не жалел А.С. свою жену). Чего ещё?.. Это одно.

Другое. Зачем её винить в гибели А.С. Пушкина? «Кокетничала она с государем»? Да. «Кокетничала потом с Дантесом»? Да. (А почему бы нет?) «Проко-кетничала жизнь своего гениального мужа»? Стоп. Вопрос не к Н.Н., а к А.С. Она была вправе «кокетничать». Он был вправе по-разному относиться к этому факту. Он выбрал дуэль с объектом кокетничания. Почему? Вот что по этому поводу писал (в 1923 году) П.К. Губер. «В уваживаниях Дантеса, пусть неудачных, Пушкин видел личное для себя оскорбление. Ещё бы! Ведь по собственному опыту он знал, что можно волочиться за женщиной совершенно спокойно и цинично, без тени уважения к ней; и он хорошо помнил, что роль обманутого мужа (такая трагическая по существу) навеки останется смешною в людских глазах. Вероятно, ему приходили на память фигуры А.Л. Давыдова, Ризнича, Воронцова, Керна, Закревского и других злополучных супругов, которых жёны обманывали при его собственном участии или при участии его друзей...»

Что и говорить: долг платежом красен. Но есть и другое мнение в связи с дуэлью А.С. Пушкина.

Цезарь хотел умереть внезапно. Свершилось по желанию его. Наполеон в конце своей полководческой судьбы искал смерти на поле боя. Не дал Господь ему этой смерти. Пушкин, пишут, в середине 30-х годов XIX века тоже думал о ней, смерти. Господь дал её ему в виде дуэли.

...А как ведут себя на том свете, повстречавшись, барон и поэт? Не благодарит ли А.С. барона за меткий выстрел?

* * *

Ого! Скатов («Чёрный пиар на Чёрной речке». «ЛГ» №23, 2008 г.) договорился до того, что Пушкин на дуэли защищал не только своё человеческое, но и национальное достоинство — «как главный представитель России». С чего бы это? Главным представителем России в то время был, всё-таки, царь.

* * *

Грустно: рядовая (судя по причине, не участникам её) это была дуэль. Таких было много на Руси. Дуэль Ленского с Онегиным. Её причина? Дурь Ленского. Дуэль Мартынова с Лермонтовым. Кто виноват? Поэт: не насмешничай. Дуэль гусара с иноземцем (повесть Льва Толстого «Два гусара»). Зачем погиб гусар? Не секи арапником человека, хотя бы и иностранца...

* * *

Странно: когдаходишь в храм, то сначала впечатление такое, что ты обессиливаешься. Верно, то выходит из тебя злая сила. Хоть злая, но всё-таки сила. Но зато потом, по выходу из храма, ты снова становишься сильным — но уже исполненный светлой силой.

* * *

Задумывались вы, какой, собственно, смысл в известных всем словах Лермонтова:

*И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь.*

Задумывались ли вы, о какой чёрной крови (хоть в прямом, хоть в переносном смысле) идёт речь? И как ею (чем больше, тем лучше, что ли?) можно смыть (?) «поэта праведную кровь»? Кровь, она и есть кровь... Ерунда какая-то получается. Злободневность не раз подводила поэтов.

* * *

Сейчас глумятся над оценкой И.В. Сталиным поэмы Максима Горького «Девушка и смерть» («Эта штука посильней «Фауста» Гёте»). А так ли не прав Иосиф Виссарионович? Да и читал ли глумящийся сам поэму и саму трагедию? В любом случае — само сравнение любопытно. (Оно, кроме того, показывает, что И.В. сравниваемые им произведения читал. Не худо брать пример с вождя.

* * *

Говорят, нет ничего дороже жизни. Так-то оно так... Но вот что поведал нам Монтень в своих «Опытах». В одном средневековом городке был обычай: приговорённому к смерти преступнику даруют жизнь, если его в день (момент) казни берёт в мужья какая-либо горожанка. Молодой разбойник, шедший (ведомый) на помост с виселицей, остановился. «Нет, ты колченогая» — и пошёл на помост... Так-то оно так; но какую ценность в данном случае человек поставил выше жизни?

* * *

Глава 1 и глава 2 Бытия (первой книги Библии) повествуют о двух способах создания Богом человека, мужчины и женщины. По первой главе: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (стих 27). Мы видим, что Господь одновременно создал мужчину и женщину, образующих одно понятие — человек. Господь использовал при этом, говоря современным языком, один и тот же «строительный материал» — образ Свой. По второй главе Господь создал сначала человека, Адама (в нашем случае — мужчину): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (стих 7) и лишь потом (стих 22) «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку» — создал жену (в нашем случае — женщину). Мы видим, что Господь использовал здесь, при создании мужчины (человека) и женщины, различный «строительный материал»: мужчина — прах земной, женщина — ребро мужчины. Вопрос... вопрос... вопрос вот какой: какой «строительный материал» лучше — прах земной или ребро Адама? Это вопрос по второй главе. И этот же вопрос по «строительному материалу» — по обеим главам. Кажется, здесь нет вопроса — конечно же, лучше по первой главе: сотворил Бог человека по образу Своему... Но вопрос всё же произнесён, и он нуждается в ответе. В литературе, в искусстве отдаётся предпочтение второму варианту создания человека и его жены (Он более тешит самолюбие мужчины). Мне же ближе вариант создания человека по первой главе. Ближе в том числе и потому, что, сотворив мужчину и женщину, «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (стих 28 главы 1).

* * *

Прощай же, читатель!.. Весною и счастливых тянет вдаль... Такими словами закончил свои «Записки охотника» Иван Сергеевич Тургенев. Такими словами заканчиваю и я своё путешествие по литературе. На дворе весна, май 2008 года.

Прощай, читатель. Хорошо, что мы прощаемся весною. До скорой встречи.